

Книга вторая

«ТРАГЕДИЯ»

1

— Войска московитов переправляются через Припять, а сам царь Петр уже прибыл в город Луцк, — польский агент Понятовский старательно докладывал шведскому королю и его верным адъютантам самые последние сведения, полученные от своих соотечественников.

Шпарре и Гилленкрюк, красноречиво переглянувшись, отмолчались, ожидая услышать мнение монарха. И Карл не преминул его сообщить:

— А кто-то, помнится, уверял меня, что Петр к войне не готов и его армия далеко на севере... — он с издевкой посмотрел на обоих генералов. — Что вы на это скажете, господа?

Шпарре и Гилленкрюк молчали.

— А получается, что за полтора месяца они преодолели... — король встал и подошел к карте, лежавшей на столе, — триста двадцать немецких миль...

Гилленкрюк тоже приблизился к столу и осторожно подсказал:

— Но, ваше величество, это всего лишь семь с небольшим миль в день, — адъютант искательно улыбнулся, — я хочу сказать, что русская армия движется отнюдь не стремительно! Это не ваш блистательный бросок под Нарву!

Весьма удачный комплимент, сказанный вовремя, несколько разрядил обстановку. Гилленкрюк напомнил королю его былую головокружительную победу и отвел грозу, готовую обрушиться на их бедные головы. Шпарре рискнул поддержать напарника:

— Царь московитов упорно твердит, что мы — его лучшие учителя, однако... — и пожилой генерал критически скривил рот.

— Он, кстати говоря, опасно заболел, — прибавил Понятовский.

Шведы насторожились. Поляк охотно пояснил:

* Окончание. Начало в № 3 за 2016 год.

** Журнальный вариант.

— Когда он вместе со своей наложницей перебирался на другой берег — лед разошелся, и карета Петра ушла под воду...

— Целиком? — с надеждой воскликнул Шпарре.

— Нет, — Понятовский вздохнул, — только наполовину... Царь спрыгнул в воду и вместе с ямщиком вытолкал экипаж на берег.

Слушатели потрясенно переглянулись.

— Он прыгнул в ледяную воду?! — переспросил Гилленкрок.

— Ну, да, — принужденно ответил поляк, — видимо, ничего другого ему не оставалось.

Шведы значительно молчали. Сумасбродный поступок царя потряс их воображение. Слывя далеко не робкими людьми, не раз бывавшими в горниле сражений и перевидавшими всякое, они знали цену человеческому подвигу.

— Отчаянный парень — этот царь московитов! — одобрительно и даже с некоторой завистью воскликнул Карл.

Его генералы лишь покачали головами, а Шпарре тут же спросил:

— После этого купания он всерьез заболел?

— Заболел опасно... — Понятовский сделал паузу, — говорят, что, по всей вероятности, он едва ли выживет.

После этих слов шведы, несмотря на недавнее восхищение мужеством и отвагой неприятельского властелина, обрадовались открывшейся перед ними перспективе. Если царь вдруг умрет, то его кончина разительным образом изменит не только их судьбы, но и все вокруг...

— Сколько миль от Бендер до Луцка? — напористо любопытствовал король.

Гилленкрок, сощурившись, склонился над картой:

— По прямой, ваше величество, где-то девяносто пять миль...

— Если делать по пятнадцать миль в день... — Карл мечтательно поднял глаза к потолку.

— То можно попасть туда за неделю, — услужливо подсказал поляк.

Шпарре критически взглянул на него:

— Ну, это едва ли!.. Если мне не изменяет память — там на пути не один десяток рек и речек... И они не все очистились ото льда!..

Гилленкрок поддержал его:

— Верно. Я думаю, что не стоит уподобляться русскому царю и прыгать в ледяную воду! Нас, в лучшем случае, скрутит ревматизм!..

Все согласно усмехнулись. Но шведский монарх, беспокойная натура которого не могла долго пребывать в бездействии, вновь обратился к свите:

— У нас, к сожалению, мало сил... — он повернулся к Понятовскому, — но что делают эти чертовы турки? Они знают о болезни царя?..

— Я думаю, что знают, — кивнул поляк, — во всяком случае, гонец в Стамбул уже ускакал...

Генералы сдержанно вздохнули. Карл пылливо взглянул на каждого и глубоко-комысленно изрек:

— Сейчас нельзя терять ни минуты. Умрет или выживет Петр — русские еще долго не придут в себя!..

Гилленкрок согласно кивнул:

— Это, правда, ваше величество, — и прибавил убежденно: — В такой ситуации все решает один решительный, скоротечный удар... Шпарре безмолвствовал, упорно и сосредоточенно. Король пристально посмотрел на него:

— А вы что молчите, Аксель?

Пожилой генерал с сомнением пожал плечами:

— А вы не думаете, ваше величество, что вся эта сногшибательная история с умирающим царем — хитрая уловка?

— Простите, генерал, — обидчиво воскликнул поляк, — я вас не понимаю!..

Шпарре кисло улыбнулся:

— Я отлично помню схватку на дороге к Ревелю в 1704 году, когда там едва не разбили Шлиппенбаха, — он обернулся к королю и Гилленкроку, — тогда, как вы знаете, два русских полка были переодеты в шведские мундиры и на них притворно напали свои же... Стреляли холостыми патронами и кричали «ура»...

Гилленкрок подтвердил:

— Они нас тогда здорово провели. Наши пехотинцы бросились на помощь «своим», несколько сотен было убито и многие попали в плен...

Карл недовольно поморщился. С блеском удавшаяся когда-то хитрость врага, очевидно, бесила его, и свита заметила это. Шпарре решил смягчить свой резкий выпад:

— Мне думается, ваше величество, что нам следует подождать с выводами.

Карл покачал головой:

— Я все-таки не могу понять: если это русское коварство, то в чем его смысл? Объясните...

Гилленкрок, видя опасное затруднение своего напарника, отважно пришел ему на помощь:

— Возможно, ваше величество, что русские тем самым хотят поскорее выманить к себе навстречу османов? — он усмехнулся. — Ведь султан явно не торопится!..

Карл тут же согласился:

— Это верно. Турки точно к войне не готовы...

Понятовский был в отчаянье. Положение, в котором он очутился, грозило ему полным крахом. Если король и его генералы поставят под сомнение его осведомленность — дальнейшая судьба агента предрешена.

— Ваше величество! Господа генералы! — воскликнул он, едва не падая на колени, — я клянусь вам всеми святыми и Божьей матерью, что русский царь умирает!..

Шведы снисходительно переглянулись. Адьютанты короля, по всей видимости, не слишком верили клятвам поляка. А сам Карл, будучи молодым и чрезмерно увлекающимся, пытался принять к сведению его отчаянную мольбу.

— Все может быть, — осторожно бросил он, обратясь к генералам, — *a la guerre comme a la guerre*, — так говорят французы... (На войне как на войне.)

— Простите, ваше величество, — парировал Шпарре, — а наложница, которая окунулась в ледяную воду вместе с Петром?.. — генерал скептически сощурился. — Ведь не на прогулку же они ехали!..

Этот довод убедил короля. Он не слыл ярым женоненавистником, будучи девственником, но присутствие женщины в столь серьезном и важном деле, каковым являлась война, вызывало у него неприятие и протест.

— Говорят, что это его невеста... — жалко и скорее необдуманно возразил Понятовский. Лучше бы этого он не произносил! Догадливый и желчный Гилленкрок тут же криво усмехнулся:

— Хорошенькое свадебное путешествие!.. Особенно купание в ледяной проруби... И вы верите в это, пан воевода?!..

Окончательно посрамленный поляк не нашелся с ответом. Впрочем, для него это оказалось не самым худшим выходом из создавшегося положения...

Переправившись через Припять и разместив в Луцке и его окрестностях армию, Шереметев, озабоченный тяжелым недугом государя, тем не менее не оставлял забот о дальнейшем продолжении военной кампании. Главным было, как всегда, наличие провианта. Сорокапятитысячное войско в десяток раз превышало население крохотного городка.

Сами обыватели, по слухам, перебивались с хлеба на квас, а тут еще голодные солдаты, не успевшие, как следует, насытиться за время зимовки!

Весна уже господствовала повсюду: на деревьях появились первые листья, кругом зеленела молодая, свежая трава, пронзительно голубело высокое, чистое небо...

Давно наступила пора выгонять со дворов скот, однако местные жители боялись выпускать за ограды коров, коз, овец и гусей. Отощавшие солдаты в один миг бы «приголубили» любую живность — и тогда ищи ветра в поле!..

А истомившаяся по воле, воздуху и сочной траве скотина жалобно и гулко мычала в темных, тесных сараях, беря чуткие души людей в темно-зеленых мундирах. Ведь в подавляющем большинстве все они были крестьянами, прекрасно понимавшими желания и чувства бедных животных...

— Эко она голосит, матушка! — соболезнующе отозвался белобрысый солдатик, кивая в сторону коровьего мычания.

— Му-у! Му-у-у!.. Му-у-у-у! — призывно и трепетно зывала чья-то «буренка». На ее страстный, нетерпеливый зов мощно откликнулся низкий, басовитый и властный голос. Скорее — не голос, а низкий, утробный рык. Он перекрыл и заставил умолкнуть все другие шумы и звуки...

— Ого-го! — одобрительно воскликнул сержант. — Вот это бычина! Сразу видать — хозяин!

— Сильно, видать, бабу захотел! — понимающе осклабился пожилой солдат, начавший воинскую службу еще со стрельцов.

Все вокруг дружно рассмеялись. Только юный белобрысый солдатик, пока не усвоивший циничный взгляд на взаимоотношение полов, свойственный всем военным людям, смущенно покривился. Но никто не заметил этого.

— Гляди-ко, — продолжил сержант, — энти ироды-хохлы все под замок упрятали! Скупердяи чертовы!..

— Оне не токмо от нас свою скотину берегут, — деловито заметил пожилой, — дажесть своих баб и девок!

И вправду, жители городка не позволяли выходить из дому своим женам и дочерям. Только дряхлые старухи выползали на завалинки, чтобы погреть на весеннем солнышке хилые, высохшие мощи...

Солдаты хмуро заглядывали через плетни, не только мечтая чем-нибудь поживиться, но и ощутить уют и тепло домашнего очага, от которого они были надолго, если не навсегда, отлучены. А недремлющие обыватели, не понимая или не желая этого понять, видели в пришельцах всего лишь жадных, ненасытных грабителей...

Из приземистой хаты неподалеку вышел крепкий черноусый мужик с босоногим хлопцем, держа в руках небольшое деревянное корытце. Бросив вокруг настороженный взгляд, они оба пересекли небольшой дворик и скрылись в низком хлеву.

— Чего это они? — безотчетно любопытствовал белобрысый новобранец.

— Гусей али утей кормить подались, — равнодушно ответил пожилой и лениво перевернулся с боку на бок.

Остановившиеся на вынужденный отдых солдаты сидели прямо на земле, вблизи походных палаток. Весь городок был окружен ими, словно взят в плотное

кольцо. Голодное и скучающее воинство грелось на апрельском солнышке и от нечего делать наблюдало за размеренной, тихой жизнью обывателей...

Из низкой двери хлева метнулась рябая курица и, сломя голову, бросилась во двор. Следом за ней выскочил босой проворный хлопчик с широко раскинутыми руками, норовя схватить беглянку. Но хохлатка и не думала сдаваться без боя — кудахча и беспорядочно размахивая крыльями, она в три прыжка пересекла двор и лихо перемахнула плетень. Хлопец ринулся за ней. Солдаты оживились.

— А ну-кошь, Евлаха! — мигом подстегнул сержант новобранца.

Белобрысый вскочил на ноги и стремительно рванул за несущей. Та бежала во всю силу своих мосластых ног и кургузых крыльев. У солдата было некоторое преимущество — он оказался значительно ближе к добыче, но хлопчик был легче и проворней. Они оба наперегонки летели по пыльной кривой улочке, в беспорядке уставленной украинскими хатами — и побогаче, и победнее...

Из одной, самой большой и нарядной, вышла группа военачальников. Это был фельдмаршал Шереметев и его подчиненные. Хохлатка, словно по наитию свыше, кудахча и роняя перья, неслась прямо к ним. Генералы замерли на крыльце. А белобрысый солдат, в невероятном прыжке настиг беглянку у нижней ступеньки, упав и накрыв ее разгоряченным телом. Та издала задушенный, душераздирающий вопль: — Кудах-тах-тах!.. — и затихла.

Генералы изумленно уставились на сцену шумной погони. Но босоногий хлопчик не думал оставлять добычу в цепких руках солдата...

— Витдай птицю, кацап!.. Вона нэ твия! — гневно требовал он.

Генералы усмехнулись.

— А ну встань, служивый! — властно распорядился фельдмаршал.

Солдат поднялся, встав по стойке «смирно» и держа под мышкой курицу.

— Какого полка? — продолжал допытываться командующий.

Белобрысый потрясенно молчал. Увидев перед собой такое количество генералов, он лишился дара речи. Даже маленький украинец и тот сообразил, что присутствует при чем-то необычном и без слов тянул к себе хохлатку. Но солдат ее не отпустил — с ним случился непреодолимый ступор.

— Какого полка, отвечай! — настаивал Шереметев. — Или ты глухой?!

— По-моему, ингерманландского, — мягко остановил фельдмаршала Репнин, — ему все равно не выговорить... — генерал усмехнулся.

— Ну, добро... Ступай, — проворчал Борис Петрович.

Солдат повернулся «налево кругом», четко печатая шаг.

— Курицу-то верни! — с укоризной напомнил фельдмаршал.

Белобрысый на ходу машинально разжал ладонь, и босоногий хлопчик радостно ухватил злополучную беглянку. Она возмущенно заголосила, но он стремительно кинулся к дому, мелькая босыми, «порепанными» пятками и вздымая облака мягкой, перегретой пыли. А солдат строевым шагом шагал ему вослед...

Фельдмаршал, качнув головой, степенно спустился с крыльца, вместе с генералами направляясь к особняку городского головы, где пребывал занедуживший государь. Случайное происшествие, свидетелями которого все они оказались, заставило их вернуться к суровой действительности.

— Этот солдат, конечно, мародерствовал, — спокойно заметил Вейде.

— Скорее всего, — подтвердил Репнин, — сухари да солонина всем давно приелись...

Фельдмаршал глубоко вздохнул:

— Ладно, коли бы приелись! Они и того вволю не видят...

Генералы согласно кивнули головами. Угроза голода и болезней воочию встала перед всей армией.

— Помнится, в позапрошлую зиму, — Репнин скупно улыбнулся, — шведы взапуски ворон ловили, которые на падаль слетались...

Генерал Алларт подхватил:

— Как у вас говорят — голод не grand mutter (бабушка)...

— Нет, дорогой Людвиг, — усмехнулся обрусевший Вейде, — у нас говорят: голод не tente (тетка)!..

— Лучше бы этой тетки век в глаза не видеть! — невесело отщутился фельдмаршал.

Они приблизились к обширному дому градоначальника. Целое скопище карет, колясок, дрожек теснилось перед его фасадом. На высоком крыльце и галерее, окружавшей дом, толпились не только военные и гражданские чины, но их жены и даже дети. Шереметев еще более нахмурился и помрачнел. Он и его свита поднялись на крыльцо. Все присутствующие молча расступились, давая дорогу фельдмаршалу. Ни с кем не здороваясь, Борис Петрович важно прошествовал в переднюю.

Там он застал канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова, кабинет-секретаря Макарова, посла князя Долгорукова, серба Савву Владиславлича Рагузинского и невесту царя Екатерину с тремя дамами.

— Как себя чувствует государь? — раскланиваясь со всеми, спросил Шереметев.

И не успели ему ответить, как из соседней комнаты донесся глуховатый голос Петра:

— Это ты, Борис Петрович? Давай сюда живее...

Фельдмаршал поспешно отправился на зов. Государь сидел на кровати, похудевший и осунувшийся, в белой нижней рубашке с распахнутым воротом. Поредевшие, слипшиеся волосы открывали лысеющий лоб, щеки обросли густой щетиной. А большие круглые глаза смотрели не мигая. В комнате, кроме него, находились лекарь-грек и денщик. Петр кивнул им:

— Оставьте нас!..

Лекарь с денщиком вышли, последний прихватил с собой ночную вазу государя. Борис Петрович хотел справиться о самочувствии царя, но тот, виновато улыбнувшись, негромко произнес:

— Видишь, господин фельдмаршал, как меня скрутила, проклятая? Не хуже, чем черт веревку!..

Шереметев ободряюще усмехнулся:

— Однако и ты, Петр Алексеич, калач тертый! В воде, все одно, не шибко размокаешь!..

Царь махнул рукой:

— Нет, Борис Петрович, годы уже не те... — он вздохнул, — ну, ин ладно. Давай о деле. Который нынче день?

— Среда. Одиннадцатое апреля, — ответил фельдмаршал.

— Значит, провалялся я, никудышный, две недели... — государь покачал головой.

Борис Петрович молча потупился. Зная характер царя, он понимал, что сочувствовать, а тем более сетовать на жестокую болезнь вряд ли возможно. Это бы только усугубило и без того нелегкое положение.

— Армия вся в сборе? — в упор глядя на старого боевого товарища, спросил Петр.

— Вся, как есть, — подтвердил фельдмаршал, — только вот... — он развел руками.

— Ну, что? Говори!..

— С провиантом туго, — вздохнул Шереметев, — сухари да солонина на исходе...

Петр с минуту размышлял, потом решительно распорядился:

— Дале идти надобно, — и, заметив недоуменный взгляд фельдмаршала, пояснил: — Валашский господарь Бранкован двадцать тыщ баранов обещал поставить... Да волов с десять тыщ... — голос его обрел силу, — чем скорее достигнем турецкой границы, тем крепче и способней станем, так аль нет? — он привстал на постели: — А там, глядишь, сербы, греки да болгары нас поддержат... То-то туркам жарко станет!..

Старый фельдмаршал не смел возразить, лишь кивнул покорной головой. А шум за стенами все усиливался и становился оживленней. Видимо, весть о благополучном выздоровлении царя исподволь разнеслась кругом. В дверь робко заглянула Екатерина, но Петр махнул на нее рукой:

— Погоди, Катя! После...

Невеста тут же убралась. Государь продолжал говорить о ближайших этапах военной кампании. Фельдмаршал внимательно слушал...

3

Ловкий грек Кастриот вернулся из Константинополя и сразу явился в поместье валашского господара. Бранкован с жадным нетерпением поджидал своего оборотистого слугу. Нельзя сказать, что хитрый грек служил своему господину верой и правдой, только Бранкован в этом особо и не нуждался. Он понимал шаткое положение изворотливого византийца — турки не могли принимать его всерьез, он был для них фигурой чужой и подозрительной. Значит, прямым орудием в их руках он стать никак не мог...

И поэтому Бранкован охотно внимал сведениям и умозаключениям своего добровольного агента.

— Русский царь опасно болен, — безо всяких церемоний сообщил Кастриот, едва раскланявшись с хозяином.

— Откуда тебе это известно? — мигом откликнулся Бранкован.

— Польские лазутчики сообщили. В Константинополь прискакали гонцы от генерала Понятовского...

— А где он? Где лежит царь Петр? — не отступал господарь, еще не успев, как следует, свыкнуться с неожиданным известием.

— В каком-то небольшом городишке в Польше. Туда пришла вся русская армия...

— Это далеко отсюда?

На этот нужный, но каверзный вопрос, к своему великому сожалению, грек, увы, ответить не мог. Он тщетно пытался выведать у турок, где занемог владыка Московии, однако турки не пожелали ничего открыть. И вовсе не потому, что считали это величайшей тайной, но отчего-то не придавая случившемуся большого и судьбоносного значения.

— Может, его где-то старательно прячут? — настаивал Бранкован.

— Нет, — промямлил грек, — он переправлялся через реку и упал в воду...

— Утонул?! — с надеждой и ужасом воскликнул господарь.

Кастриот замахал руками:

— Нет-нет! Его вытащили из реки...

— А что это за река?

— По-моему — Трипять... — грек замялся.

— Припять, — поправил его господарь и задумался.

Географию он худо-бедно знал и представлял себе довольно отчетливо, где находится названная река. До границ османской империи русской армии оставалось недели две пути.

— У Петра большая армия?

— Пятьдесят тысяч... — быстро ответил грек.

Бранкован вспомнил свою встречу с боярином Лупуллом. Провожая его до кареты, господарь, на всякий случай, сообщил гостю, что готов помочь царю московитов продовольствием. Волос и баранов он сможет пригнать навстречу русской армии. Любопытно было бы знать, передал ли Лупулл его обещания умирающему Петру?

— Он совсем плох? — настойчиво осведомился Бранкован.

— Хуже некуда, — обнадежил его Кастриот.

Вот тут бы господарю несказанно возрадоваться, однако он отчего-то померчал. От взгляда пронырливого грека это не укрылось и заставило его крепко взволноваться. Неужели Бранкован решил переметнуться к русским?! Ничего удивительного в этом не было — ловкого слугу лишь беспокоила собственная судьба.

То же самое тревожило и господаря. Он очень опасался, что со смертью русского царя османы враз завоюют всю Европу и жалкой самостоятельности Валахии и Бессарабии придет конец. А мстительные турки обязательно напомнят ему былые прегрешения. И заклятый его враг Кантемир в этом крепко постарается. За дверью кабинета слышались осторожные шаги и замерли.

— Входи, Михай! — распорядился хозяин.

На пороге появился пожилой слуга:

— Хозяин, к вам приехал боярин Кантакузин...

Господарь и грек переглянулись. Неожиданный визит двоюродного брата удивил обоих. Фома давным-давно не посещал Бранкована по доброй воле, а в последний раз явился только после настоятельной просьбы.

— Зови! — прозвучал краткий приказ.

Господарь и грек поднялись. Кантакузин вошел свободно и смело, как человек, чувствующий, что у него есть нечто неотложное и важное и он не намерен этого скрывать. Хозяин и его наперсник насторожились. Фома чуть поклонился господарю, сделав вид, будто вовсе не заметил грека. Кастриот мстительно отвел взгляд.

— Здравствуй, дорогой брат! — почти искренне ответил Бранкован, — я рад тебя видеть!

Гость едва заметно улыбнулся и сообщил безо всяких предварительных оговорок:

— Ты слышал, что русская армия пришла в Западную Малороссию?..

Господарь продолжал разыгрывать удивление:

— Да неужто? — он бросил короткий взгляд в сторону грека. — Нет, мне ничего об этом неизвестно!

— Армия Петра перешла Припять и остановилась в Луцке, — Фома сделал паузу. — Царь заболел, но на днях выздоровел... — после этих слов неожиданный гость понял, что между господарем и его ближайшим советником возникла какая-то неразбериха.

Бранкован покраснел, а со щек грека исчезли все краски жизни. Лицо его заметно вытянулось, а внушительный нос еще более заострился.

— Как ты говоришь, — с трудом выговорил господарь, — заболел, а потом выздоровел?!

— Ну, да, — Фома усмехнулся, — при переезде через реку его карета упала в полынью, но царь выпрыгнул из нее в ледяную воду и помог лошадям выбраться на берег, — гость вздохнул, — и, конечно, схватил простуду... Но, слава Богу, все обошлось...

В комнате воцарилась тишина. История с ледяным купанием и отважным поступком царя произвела впечатление на каждого, однако по-разному. Хозяин больше

обеспокоился не болезнью Петра, а его выздоровлением. А пронырливого грека насмерть перепугал неожиданный финал. Несколько минут назад он клятвою уверял господаря, что русский владыка наверняка умрет или уже умер, а что теперь?!

Дабы скрыть волнение, Бранкован суетливо предложил:

— Ты садись, Фома! Садись...

Все трое опустили на стулья.

— Откуда тебе все известно? — набравшись смелости, спросил Бранкован.

Фома не стал отнекиваться:

— В Луцк к Петру ездил врач Кантемира и все разузнал...

— Врач Кантемира?! — хозяин даже не сумел сдержаться.

— Ну, да. Грек Поликола, — Кантакузин тоже не стал скрывать своего настроения. — А что тебя удивляет? — он встретился взглядом с двоюродным братом. — Помнишь, в нашу последнюю встречу ты мне говорил, что надо поддерживать русских. Ведь они одной с нами веры...

Бранкован выдержал его взгляд и ответил негромко:

— Я-то помню! — тут выдержка ему изменила. — Но Кантемир всегда был ставленником османов, а что сейчас? Он решил переметнуться к русским?!

Гость не сдавал позиций:

— Ему, как и тебе, надоели грабительские поборы и наглость османов! — он перевел дыхание. — Послушай, разве ты забыл обо всем этом?.. Давно ли?..

Господарь неловко поежился:

— Нет, не забыл...

Бедный грек ужаснулся, боясь, что хозяин выдаст себя с головой.

— Какая, в конце концов, разница, почему Кантемир пошел на сближение с русскими?.. Ведь ты тоже посылал к Петру гонцов! Или не посылал?! — Фома в упор смотрел на двоюродного брата.

— Посылал, — прозвучал унылый ответ, — но царь не пошел мне навстречу.

Гость усмехнулся:

— И ты боишься, что Кантемир опередит тебя?..

— Ничего я не боюсь... — хмуро отрезал Бранкован, но сделал так, чтобы двоюродный брат поверил в то, будто его и вправду насторожил поступок Кантемира.

История с русским царем потрясла и выбила валашского господаря из привычной колеи. Еще не успев, как следует, обдумать головокружительное известие, принесенное хитрым греком, он был вконец обескуражен рассказом Фомы Кантакузина. Так жив или умер русский царь?! Кому из двоих можно верить?! Бранкован исподтишка всмотрелся в того и другого. Грек был явно растерян и подавлен, а Фома выглядел молодцом.

И Бранкован не рискнул напрямую спросить его — каким образом тому стало известно о болезни и выздоровлении Петра? «Значит, — подумалось ему, — Фома-таки крепко снюхался с Кантемиром!» Господарь вздохнул и негромко, но убежденно произнес:

— Я от своих слов не отказываюсь. Русских надо поддерживать, насколько хватит у нас сил и возможностей...

Гость согласно кивнул головой. Ему подумалось, что двоюродный брат обеспокоен и подавлен неожиданным поступком Кантемира, своего давнего врага. И наверняка боится, чтобы его не очернили в глазах Петра. Мысль о предательстве Бранкована почему-то не пришла ему на ум, поскольку тесно сотрудничать с османами казалось Фоме самоубийством.

Из соседней комнаты доносился стук тарелок и звон бокалов.

— Пойдемте лучше обедать! — радушно предложил хозяин.

Гость не стал отказываться. Только грек подавленно молчал...

В гарем к султану Ахмеду доставили новую партию наложниц. Это был «ясырь», захваченный крымскими татарами в двух набегах на Малороссию. Из пятисот украинок, переправленных из Ахтияра (Севастополя) в Стамбул, отобрали два десятка наиболее юных, здоровых и красивых девственниц. Молодой татарин Абдул, рисквавший жизнью ради прекрасной пленницы, был вынужден уступить ее...

Когда налетчики приблизились к Бахчисараю, мурза Саид, возглавлявший джигитов, опытным глазом окинул добычу Абдула и коротко распорядился:

— Эту девку отведи в ханский дворец! — и, заметив протестующий огонек в черных глазах юного удальца, сжал в руке камчу (нагайку): — Отведи, не мешкая! Тебе заплатят...

Абдул, успевший за несколько дней пути без памяти влюбиться в свою добычу, побелел и чуть не расплакался. И прекрасная украинка, смирившаяся со своей злосчастной судьбой, тоже прониклась если не любовью, то горячей благодарностью к своему безрассудному похитителю...

Она без труда заметила, как осторожно, заботливо и бережно он относится к ней. Если все другие татары безо всякой пощады вели за собой на аркане плененных дивчин, то Абдул большую часть дороги вез ее в седле. Он одел пленницу в шальвары и свитку, снятые с убитого хуторянина.

И Одарка (так звали девушку), крепко держась за луку седла, старалась не касаться спиной разгоряченной груди всадника, где гулко стучало пылкое, влюбленное сердце. А отчаянный джигит, жадно вбирая запах ее густых волос, смотрел вперед затуманенными глазами, и все его тело пронизывала жаркая, упоительная истома... Даже резвый караковый жеребец, несущий на себе юную пару, чувствовал этот знойный порыв и скакал без усталости...

На коротких ночных привалах Абдул заботливо расстилал свой чекмень, и дивчина, свернувшись калачиком, укладывалась на него, а он умело разводил костер и, сидя, грелся у огня. Потом засыпал, уткнувшись головой в колени. Стреноженный конь, скачками переставляя стяннутые ноги, ковылял поодаль, хватая губами увядшую траву и шумно вздыхая, словно сочувствуя хозяину. Трудно сказать, что бродило в его гривастой голове, так же, как и в бритой голове джигита...

Чем ближе были земли благодатного Крыма, тем свободней и шумнее вели себя похитители. Только Абдул все больше мрачнел и замыкался. А в последнюю ночевку перед самым Перекопом, уложив свою драгоценную добычу на стеганный чекмень, он не стал разводить костер и не расседлал коня, а лишь спутал ему передние ноги...

Его соплеменники, особо не церемонясь с пленницами и пленниками (те улеглись прямо на голую землю), разложили большой огонь и расселись вокруг него. Слышались шутки, смех, задумчивые переливы наяд (флейты)... Кто-то даже затянул песню:

— Коварные пчелы! Держитесь подальше от губ моей милой!

Они без ваших жал — другим на зависть — пухлые!..

Абдул исподтишка взглянул на свою пленницу. Над ночной степью висела ущербная сентябрьская луна, и в ее неярком, призрачном свете джигит увидел только смутный овал девичьего лица. Но какие у нее были губы — рассмотреть ему не удалось. Тревожные и безумные мысли роились в его голове — он не давал себе отчета в своих ближайших действиях — и не мог представить, что будет потом. Но почему-то с нетерпением ждал, когда его соплеменники затихнут...

Ночной ветерок шальными порывами доносил прелые, тлетворные запахи «гнилого моря» Сиваша, а где-то в стороне настороженно и призывно пересвистывались суслики, нагло повизгивали шакалы... Юноша вслушался в ровное дыхание спящей пленницы и не заметил, как вблизи зашуршали осторожные шаги. Абдул схватился за кинжал.

— Ты не расседлал коня и не снял уздечки...

Юный джигит узнал по голосу чернобородого татарина.

— Куда же ты намерен бежать?.. И зачем?..

Абдул не отвечал. Чернобородый оглядел в полумраке его согбенную фигуру и тело спящей поодаль девушки, усмехнулся:

— Пророк сказал: этот человек сотворен легкомысленным. Он думает, что никто не одолеет его. И думает, что никто его не увидит...

Ловко подойдя к стреноженному коню, мужчина по-хозяйски отстегнул подпруги и одним махом снял седло. Жеребец облегченно выдохнул и тряхнул густой, спутанной гривой. Абдул не двигался. Чернобородый следом освободил коня от уздечки, негромко проворчав:

— Без седла ты ускачешь, а без поводьев?.. Попробуй — рискни!..

Юноша не поднимал головы. Умудренный годами и житейским опытом мужчина вздохнул и произнес убежденно:

— Если женщина завладела твоим сердцем, то потом она завладеет твоим разумом, силой и всем остальным! Берегись... — и, взвалив на плечо седло, звеня удилами уздечки, чернобородый неспешно зашагал к потухшему костру, вокруг которого широко разлеглись крымские удалцы...

И день спустя, прискакав в Бахчисарай, несчастный юноша отдал свою добычу в мягкие руки ханских евнухов. Одарка бросила ему умоляющий, беззащитный, зовущий взгляд. Абдул побледнел, но денег за нее не взял. Ожог коня плетью и стремглав унесся в степь. Главный евнух озадаченно покачал головой и, воровато оглянувшись, спрятал кошелек с золотыми за широкий пояс.

Пленница была хороша — это отметили и евнухи, знавшие вкусы своих властителей, и сам хан Девлет-Гирей, решивший отправить прекрасную украинку в дар великому султану. Он понимал, что его дерзкие набегии в Малороссию большого урона русским не принесли, однако же удачное пополнение султанского гарема будет ему на пользу. Женолюбивый Ахмед на многое закроет глаза и не станет попрекать своего верного слугу...

Так оно и случилось. В конце апреля 1711 года в стамбульскую гавань прибыли из Крыма корабли с ценным живым товаром. Ближайшие советники султана — великий визирь, муфтий, рейс-эфенди, сераскир и другие паши — готовились к войне с русскими, а мысли Ахмеда были заняты новыми одалисками.

Впрочем, великий визирь Балтаджи-Мехмед-паша, решивший возглавить армию и окончательно разбить московитов, был только рад тому, что султан совсем удалился от важных дел. И он, и рейс-эфенди, и сераскир отлично знали — их повелитель воевать не умеет и не любит. Старший его брат — султан Мустафа — сражался с русскими с переменным успехом, без особого блеска и успел заключить тридцатилетний мир.

Но янычары были недовольны: в битве за крепость Азов они понесли большие потери и в конце концов сдали ее. Затем бесславно пали крепости Кизыкермен, Тамань, Шагин-Гирей, Арслан-кермен... В августе 1700 года между Россией и Оттоманской Портой был заключен мирный договор, а три года спустя в Стамбуле вспыхнул бунт, и мстительные янычары свергли Мустафу вместе с ближайшими сподвижниками: великим визирем, муфтием, сераскиром и рейс-эфенди. Султаном стал младший брат Ахмед...

Теперь, получив известие от польских агентов генерала Понятовского о приближении русской армии и болезни Петра, османская верхушка слегка обеспокоилась. На совещание в «диван» пришли великий визирь, верховный муфтий, рейс-эфенди, сераскир, ближайшие паши. Султан явился последним, встречаемый традиционными, поясными поклонами вельмож.

Чинно усевшись на возвышение у парадной стены, Ахмед кивком дал знак собравшимся, что следует открыть совет.

Визирь негромко доложил:

— Как стало известно великому султану — светилу и повелителю правоверных — бесчестные москвиты ведут войско к границам Оттоманской Порты...

— Но их царь Петр опасно болен! — заметил рейс-эфенди.

Визирь слегка поморщился и присовокупил:

— Владыка неверных, слава Аллаху, при смерти, — он повысил голос, — но армию ведут генералы и они пока здоровы!..

Султан насторожился. Он понял, что его ближайший помощник имел в виду и самого себя. Армиями, как правило, командуют не сами властители. Сераскир, будучи главным начальствующим над войсками, тоже не остался в стороне:

— Мои храбрые янычары готовы к встрече с неверными и ждут приказа!..

Муфтий с удовлетворением сложил ладони и согласно качнул головой. Ахмед хмуро покосился на него и спросил:

— Как полагаете, правоверные, может, настало время объявить москвитам джихад?..

Этот неожиданный вопрос озадачил свиту. Джихад, то есть священная война, обязывал все мужское население, каждого мусульманина подняться на жестокую, беспощадную борьбу с иноверцами. Муфтий быстро окинул своих сподвижников и понял: это их едва ли устраивало.

— Идите и сражайтесь на пути Аллаха — говорит Коран — и прогоните их! — он возвысил голос: — А когда встретите неверных, в боевом строю идущих на вас, не обращайтесь к ним тыла! — муфтий перевел дыхание и добавил уже от себя: — О, великий султан! Твои слуги сумеют одолеть любую армию!.. Всевышний протянет им свою всемогущую руку!..

Далее последовало привычное прикосновение ладонями к щекам и бородам, взгляды к небу и беззвучное упоминание имени Аллаха. Султан уразумел, что его свита не испытывает особой тревоги. Его это устраивало вполне, ибо мысли Ахмеда были заняты новым пополнением гарема...

5

Царская невеста Екатерина, уединившись вместе с кабинет-секретарем Макаровым в небольшой комнатке в доме городского головы, сочиняла письмо губернатору Санкт-Петербурга А. Д. Меншикову. Как и граф Римской империи (он же Светлейший князь Ижорский), она была неграмотна, и потому весь труд по написанию письма взял на себя секретарь. Подобно большинству помощников Петра он был в курсе личных отношений своей подопечной и всесильного фаворита.

Кстати, и сам Макаров, подобно Екатерине и Александру Данилычу, не мог похвастаться знатностью происхождения. Он был сыном вологодского подьячего и стараниями сурового родителя, вкупе с безжалостной розгой, благополучно освоил грамоту. Его случайно заметил Меншиков, определив бойкого писца в свою канцелярию, а затем охотно передал Петру. Усердный канцелярист сумел понравиться государю, и тот назначил его своим секретарем.

— Что вы изволите отписать Светлейшему князю? — глядя черными, зоркими глазами в лицо Екатерине, деловито осведомился Макаров.

Невеста задумалась. Еще при отъезде из Петербурга они встретились на коротке с Данилычем, и тот заклинал бывшую любовницу сообщать ему обо всем, что происходит вокруг государя. Будучи детьми «случая», чудом угодившими на вершину успеха, оба понимали, сколь непрочно и шатко их положение, и потому старались, по мере сил, помогать друг другу.

— Надобно отписать князю, — медленно ответила невеста, — что его величество были крепко больны, а нынче выздоровели...

Макаров подумал и возразил:

— А ежели письмо перехватят?..

— Кто?! — испуганно отшатнулась женщина.

Секретарь догадался, что она, скорее всего, вспомнила о ближайшем окружении царя. Клубок интриг, который непрестанно сплетался вокруг главной персоны, не давал покоя никому.

— Дорога до Петербурга неблизкая, — Макаров помолчал и прибавил: — Всюду шайки недругов рыщут — то шведские, то турецкие удалцы... А ну, как почту в полон возьмут?..

У Екатерины расширились глаза.

— Давеча нашего гонца к турецкому султану по дороге изловили и в яму посадили, а письмо государя в руки Карлу отдали...

Женщина наконец пришла в себя:

— А какой его величество чин носят?

— Контр-адмирала...

Невеста бодро надоумила:

— Тогда пиши, что господин контр-адмирал, слава богу, здоров. И далее следовать неотступное намерение имеет...

Секретарь согласно кивал головой. Что писать вельможному князю, он прекрасно понимал и без советов своей госпожи. Ему самому также давно следовало давать отчет всецельному временщику. Меншиков никогда бы не простил своего бывшего слугу за упорное молчание.

Макаров обмкнул перо в походную чернильницу и старательно вывел: «Милостивый государь, Светлейший князь Александр Данилович!» Он отлично знал, как безродный Меншиков обожал всяческие громкие титулы. И еще секретарь точно помнил, что последнее письмо в адрес князя было отправлено месяц назад, и теперь необходимо объяснить задержку.

— Пиши ему, что дорога гадкая была... — подсказала Екатерина.

Макаров благодарно улыбнулся в ответ, не поднимая головы от бумаги. Угодничество, нет, скорее предусмотрительность и трезвый расчет были сутью его натуры. Это позволило сыну заштатного подьячего подняться на самый верх российской бюрократии. А звездный час кабинет-секретаря наступит после смерти Петра, в короткий период царствования Екатерины, когда он станет членом Верховного Тайного совета и правой рукой царицы. Но сейчас они оба об этом и не помышляли...

Пока Макаров, склонив над столом коротко остриженную голову, усердно описывал все тяготы и мучения, выпавшие на долю «контр-адмирала» и его верных слуг, невеста царя проворно штопала панталоны своего суженого. Несмотря на истинные опасности, беды и переживания, бывшая служанка лютеранского пастора совсем не утратила спокойствия и твердости духа.

Глядя на ее круглое, румяное лицо с гладким, без единой морщинки лбом и мягкими, темными глазами, каждый наверняка думал, что жизнь этой молодой

женщины легка и безмятежна. Лишь короткая шея, широкие плечи и сильные руки выдавали в ней простолюдинку, близко знакомую с тяжелым физическим трудом. Она и была таковой, вовсе не пытаясь выдавать себя за аристократку. Впрочем, другая женщина и не сгодилась бы в подружки царю-плотнику.

В соседней комнате с шумом распахнулась дверь, послышались тяжелые шаги, звон железа и голоса. Екатерина насторожилась, а секретарь поднял голову и вопросительно взглянул на нее.

— Его величество с генералами... — одними губами пролепетала женщина.

Макаров поставил витиеватый росчерк, должный означать подпись его госпожи, и судорожно вздохнул.

— Алексей! — раздался властный окрик государя. — А ну давай сюда! Ты где там?..

Макаров схватил перо, чернильницу, стопку бумаги и, осторожно ступая, прошел к двери, ловко открыл и скрылся за нею. Петр, Шереметев, Репнин, Алларт, Вейде, Головкин, Шафиров и Долгоруков уже сидели на лавках вдоль стен, а посредине стоял просторный стол.

— Садись. Пиши, — распорядился государь.

Секретарь чинно положил перед собой десть чистой бумаги, беззвучно опустил ся на табурет, взял в руку гусиное перо. Петр зорко посмотрел в лица генералов, остановив свой взгляд на фельдмаршале:

— Тебе, Борис Петрович, надлежит к пятнадцатому маю достигнуть Днестра. Провианту при армии иметь на месяц, а лучше — поболее...

Большое, осанистое лицо Шереметева вытянулось в недоуменной гримасе:

— Да как же, государь? Сие едва ли возможно!..

— А какое ныне число? — в голосе царя обозначился металл.

— Тринадцатое апреля, — немедля отозвался Макаров.

— Ну, вот, — Петр не отступал, — неужто за целый месяц ты триста верст не одолеешь?

Генералы коротко переглянулись.

— И провиант опять же на исходе... — тянул свое Борис Петрович, — а на голодное-то брюхо!..

Государь миролюбиво пояснил:

— Окромя обещаний валашского господаря поставить нам доброе число овец, волов и коней, бессарабский господарь Кантемир посулился пригнать навстречу армии двадцать тыщ баранов да десять тыщ волов... Они вот-вот будут...

— А хлеб? С хлебом-то как? — не отступал старый полководец.

Царь нахмурился:

— С хлебом худо... — он вздохнул, — и в Беларуси, и в Малороссии недород. И в Бессарабии, поди-ка, тоже.

— Во всяком худе не без добра! — усмехнулся Вейде. — Было бы мясо, без хлеба как-нибудь переживем! Беда невелика...

Государь бросил ему благодарный взгляд — Вейде был одним из самых любимых военачальников Петра. Вместе они начинали военную службу, немец отважно сражался под Нарвой, попал раненым в плен. Его не сломило даже десятилетнее пребывание в шведской тюрьме.

— А тебе, Адам, следует заготовить рогатки, — царь на секунду задумался, — полков эдак на пять... И оные всегда иметь наготове...

Генералы встревоженно переглядывались. Все непременные распоряжения государя казались им трудно исполнимыми. Триста верст — расстояние невесть какое, но полуголодным солдатам и его одолеть непросто. И можно ли верить

обещаниям чужеземных владык? Чего ради Бранкован и Кантемир станут щедро помогать русским? Шафиров взглянул на сумрачные лица военачальников и негромко спросил:

— А разве господаи между собой помирились? Ведь Кантемир, как всем известно, ставленник османов.

Петр подумал и ответил:

— Худой мир, как всем ведомо, лучше доброй ссоры, — он качнул головой и присовокупил: — Мы с турками «совет да любовь» на тридцать лет заключили, и где они теперь?..

Генералы молчали.

— Скажи-ка, Петр Павлович, — царь обратился к Шафирову, — в котором году мы со шведами «вечный мир» установили?

— В феврале 1616 года, при деревне Столбове, государь, — мгновенно отозвался вице-канцлер, — при деде вашем, Михаиле Феодоровиче.

Петр усмехнулся:

— Однако же он и ста лет не продержался!..

Генералы оживились. Как все военные люди, они понимали, что не будь этих нарушений мирных договоренностей, чьего-то вероломства и своеволия — им было бы нечего делать! Государь, заметив перемену в их настроении, подытожил:

— Надо думать, что нужда заставит этих господ помириться, — он махнул рукой, — а сколько этот мир продержится — бог весть!..

Генерал Алларт рискнул напомнить:

— Солдат мы будем, если так случится, кормить мясом, а с лошадьми как? Фуража запас на неделю остался.

Петр смешался. Резонный вопрос генерала поставил его в тупик. Весь овес, сено и сечка, купленные у обывателей, были на исходе, а проводить насильственный отъем — дело опасное: озлобится все местное население. Царя выручил Репнин:

— Да будет тебе, Людвиг Николаич! — он широко улыбнулся. — Трава кругом вылезла, на кой ляд тебе солома да сено? Пушай лошадки на вольном выпасе жирок нагуливают!..

Алларт вздохнул и пожал плечами, а государь одобрительно кивнул и прибавил:

— Верно, говоришь, Аникита Иваныч! — он собрался с духом и заключил: — А когда мы к Дунаю продвинемся — там травы по пояс будут!

Но старый фельдмаршал, достаточно осведомленный еще о бесславных походах князя Голицына, когда прыткие крымские татары дотла выжигали в степи всю растительность, суеверно предостерег:

— Так-то оно так, государь! Лишь бы эти чертовы османы, как татары когда-то, все огнем не пожгли!..

Генералы согласно закивали головами, однако Петр ухватился за слова бывшего вояки:

— Вот потому-то, други мои верные, я вас и тороплю! — он решительно окинул свиту. — Медлить нам нельзя никак, понеже турки и силы соберут немалые и траву пожгут всю, как есть!.. — царь повернулся к Макарову: — Пиши, Алексей, приказ всем выступать... — он встал, — а я нынче же еду в Польшу повидаться с королем Августом!..

Генералы тоже поднялись. Екатерина, дотоле смиренно сидевшая за дверью и прилежно штопавшая жениху исподнее, прерывисто вздохнула, завязала узелок и привычно оборвала нитку. Она была готова тут же следовать за своим господином. Не прошло еще и трех дней, как государь едва-едва оправился от тяжелой болезни...

Занятная все-таки вещь — война! И настолько увлекательная, что человек, всецело одержимый ею, уже ни о чем другом не помышляет и не пытается освободиться от этого злокозненного наваждения. Сколько столетий и даже тысячелетий ни обитают люди на этой грешной земле — ни одно десятилетие не проходит без того, чтобы где-то не случилось безжалостной, кровавой стычки, либо вселенской крошечной бойни...

Ее вольные или невольные участники изо всех сил желают победы одной из сторон. Поэты и художники с упоением воспевают героизм победителей, иногда признавая очевидную силу и мужество проигравших. И тем самым беззастенчиво восхваляя тех, кто сумел одержать верх. Чего бы стоил, к примеру, подвиг героя «Илиады» Ахилла, если бы он не убил Гектора — надежду и опору несчастной Трои?!

Шведский король Карл вырос на этих доблестных примерах. Война была его единственной любимой стихией. Он не представлял себе иной жизни: безумная скачка на лошадях, пистолетная, ружейная, орудийная пальба, удары сабель, отсеченные головы, руки и ноги... Вспоротые животы, крики о помощи, стоны, ругань, кровь и смерть... День, проведенный без единого выстрела и удара сабли, казался ему безнадежно потерянным...

Его верные адъютанты — Шпарре и Гилленкрок, — вынужденные коротать время вместе со своим неистовым монархом, понимали его душевные муки. Но, будучи значительно старше возрастом и обладая солидным житейским опытом, оба относились к происходящему философски.

— Вам не кажется, Аксель, что войска московитов топчутся на месте? Они явно сбавили темп... — Шпарре снисходительно усмехнулся.

Его собеседник подумал и ответил:

— Ну, этому, как будто бы, есть важная причина, — он посмотрел в лицо генерала, — если верить слухам, то царь Петр опасно болен, а как можно вести войну без предводителя?

Шпарре покачал головой:

— Если мне не изменяет память — владыка русских всего лишь дважды сам руководил боевыми действиями — под белорусской деревней Лесной и...

— Под Полтавой... — подхватил Гилленкрок.

Собеседник согласно кивнул. Генералы помолчали. Каждый невольно сравнил властителя вражеской стороны со своим собственным. Карл, за редким исключением, сам командовал сражениями, часто выступая во главе своей армии, и первым бросаясь в бой. На Петра это никак не походило. Он, по возможности, старался избежать собственного участия в схватке, иногда играя постыдную роль труса.

— Фельдмаршал Круи, который командовал русской армией под Нарвой в 1700 году, рассказывал, когда попал в плен, — как бы отвечая на мысли собеседника, напомнил Шпарре, — стоило Петру узнать, что наша маленькая армия стремительно движется ему навстречу — он прибежал в палатку Круи, пил стаканами водку, плакал навзрыд и умолял сделать хоть что-нибудь... А помощник фельдмаршала генерал Халлар посмотрел на него и прямо сказал: — Это не солдат!..

— Но, однако же, Петр храбро сражался под Полтавой, — осторожно возразил Гилленкрок.

Пожилой генерал вздохнул:

— Видимо, тогда он поставил на карту все. И свою жизнь тоже...

Бывалые вояки замолчали. Гилленкрок прислушался к звукам в спальне короля. Но там царила тишина. Оба генерала понимали, что безрассудная храбрость их властителя должна вызывать восхищение, только вот...

— Стойкость солдат тоже способна переломить ход сражения... — негромко заметил Шпарре.

— Это вы к чему? — скептически сощурился Гилленкрок.

Собеседник охотно пояснил:

— Если бы генерал Розен не отступил тогда к Полтаве и не укрыл своих солдат в окопах — все могло бы перемениться! Ведь три его полка — это не шутка!

Рассудительный и критично настроенный Гилленкрок откровенно заметил:

— Вы забываете, дорогой, что наши солдаты всего лишь наемники... Так называемые «подонки общества», искатели приключений и легкой наживы... И не вам объяснять, каким образом их вербуют в армию!

— А солдаты Петра, — ожесточенно парировал Шпарре, — глупые, забытые крестьяне! Их именуют «лапотниками». До службы в армии они даже не носили сапог, а лишь чудовищные башмаки, сплетенные из древесной коры! Их называют «лапти»...

Собеседник иронично улыбнулся:

— Вам, как московскому губернатору, это лучше знать, — и тут же прибавил: — Только вот моральный дух...

— Чей? — перебил генерал.

— Ну, разумеется, московитов, — Гилленкрок вздохнул, — надо признать, что он у них достаточно высок. Мы испытали его на себе...

Собеседник напыжился, но возражать не стал. Разговор вновь увял. Карл, лежа в спальне на кровати, прилежно читал Библию. Трудно сказать — почему, но сейчас его привлекла «Книга Иисуса Навина».

Казалось бы, такого одержимого человека, как воинственный шведский король должны занимать одни лишь бурные, пламенные строки, вдохновенно повествующие о сокрушительных победах главного героя над вероломными противниками, однако Карл старательно углубился в историю о малодушных жителях некоего городка Гаваон...

Когда умер еврейский пророк Моисей, выведший свой народ из Египта, на его место заступил ближайший помощник — Иисус Навин. (Не путать с Иисусом Христом!) Продолжая дело своего предшественника, Иисус Навин стремительно захватывал одну ближневосточную область за другой. Под ударами израильских мечей пали большие города — Иерихон и Гай, а мирные жители ливанской долины попытались дать завоевателям достойный отпор. Пять отважных правителей спешно решили создать общий союз против коварных интервентов...

Но жители из местечка Гаваон предпочли сдаться на милость захватчиков. Облачась в ветхие, заплатанные одежды, надев рваную, изношенную обувь, взяв в дорогу сухой, заплесневелый хлеб, дабы разжалобить израильтян, они пришли к ним в стан и сказали Иисусу:

— Мы рабы твои!..

Предводитель интервентов охотно принял их, только предложил жалким пришельцам рубить дрова и носить воду для порабитителей. Те согласились...

А отважные правители, решившие дать отпор захватчикам, отправились в поход на предателей. Трусливые жители Гаваона, узнав об этом, униженно просили помощи у израильтян. Иисус Навин решительно двинулся навстречу врагам...

Вот тут на его стороне ревностно выступил сам Всевышний, ведь Он всегда благоволил израильтянам. И, пользуясь такой мощной, несокрушимой поддержкой, богоизбранный народ принялся свирепо, усердно, безжалостно истреблять богопротивных...

А чтобы ни один из них не избежал жестокой кары, по просьбе Иисуса Господь остановил вращение Земли. В Библии сказано: «и остановилось солнце, и луна

стояла, доколе народ (то есть израильтяне) мстил врагам своим». Все свободные обитатели ливанской долины были жестоко наказаны, а их строптивых вождей Иисус приказал безжалостно убить и повесить трупы на деревьях...

Карл прекрасно знал все страницы священной книги. История Иисуса Навина тоже была ему хорошо известна. Как любой человек XVIII столетия, он невольно равнялся на ее героев. Отождествляя себя с Иисусом Навином, шведский монарх пытался представить всех своих современников в роли библейских персонажей.

Казненные когда-то цари — это, несомненно, властитель Московии, король Дании, курфюрст Саксонии, король Пруссии, император Австрии, словом, все явные и тайные сторонники «Северного союза». А трусливые жители Гаваона, скорее всего, поляки... Шведский монарх посадил к ним на трон познанского воеводу Станислава Лещинского, которого сверг Петр, и тот, бежав в Померанию, безуспешно собирает ополчение.

В дальней комнате послышался шум, звуки приветствий. Карл вскочил, бросил на кровать Библию, сунул босые ноги в стоптанные башмаки и, скрипя своими кожаными штанами, решительно вышел из спальни. В зале его встретили оба адъютанта и агент Понятовский. Поляк поклонился королю. Карл небрежно кивнул в ответ и тут же спросил:

— Есть новые сведения, пан воевода?..

— Да, ваше величество, — быстро отозвался тот, — царь Петр уехал из Луцка в Яворово...

— Значит, слухи о его болезни — легенда? Я так и думал! — нахмурился король.

Поляк замялся:

— Увы, нет... Говорят, что он просто выздоровел...

Генералы снисходительно переглянулись. Карл нервно прошелся по залу, взъерошил пальцами ежик волос на темени:

— Яворово — это в Польше?

— Да, ваше величество...

— Что ему там нужно? — король в упор посмотрел на агента.

Понятовский пожал плечами:

— Трудно сказать. Мы ждем от наших людей новых сведений...

— А его армия? Что с ней?

Поляк вздохнул:

— Армия под командой Шереметева движется на юг.

Карл перевел взгляд на своих адъютантов:

— Ну, что вы скажете, господа генералы?.. — он угрюмо сощурился. — Царь московитов, вопреки всем слухам, в добром здравии и вновь ведет свою хитроумную игру. Что ему нужно в Польше? Он опять блефует?

Шпарре и Гилленкрок отмолчались. Ни тот, ни другой не имели на этот счет никаких вразумительных объяснений. Король минуту подождал, потом устало махнул рукой и удалился к себе в спальню...

Достойный граф Священной Римской империи, он же князь Ижорский и светлейший князь Ингерманландский, а также губернатор Санкт-Петербурга Александр Данилович Меншиков, благополучно позавтракав, спустился по мраморным ступеням своего дворца к небольшому боту, замершему у края лестницы. Десяток крепких молодых, осушив весла, покорно ждали, когда лакей и камердинер, ловко взяв под руки вельможу, бережно усадят его на крытую бархатом скамью.

Поправив пышный парик и приняв величественную позу, Данилыч кивнул кормщику:

— Отчаливай!

Тот скомандовал гребцам:

— Навались, ребята!.. Разом!.. Пошли!..

Единым взмахом весла окунулись в темную неласковую воду Невы, и, умело преодолевая своенравное течение, небольшое суденышко устремилось вначале к стрелке Васильевского острова, а обогнув ее, направилось к серым валам Петропавловской крепости. На берегу губернатора послушно ожидали обер-комендант Роман Брюс и обер-комиссар Ульян Синявин. Бот оказался вблизи бастиона, носившего имя светлейшего, ибо он первым воздвиг его, следуя указаниям государя.

Привычно ступив с помощью крепких матросов на холодный, мокрый песок Заячьего острова, Меншиков сдержанно ответил на подобострастные поклоны коменданта и комиссара. Вдоль Невы беззаботно гулял зябкий майский ветерок. Губернатор умело придержал черную треугольную шляпу и полы роскошного кафтана, а его свита терпеливо переминалась с ноги на ногу.

— Ну, пойдем-поглядим, как там дело движется, — негромко распорядился Меншиков и твердо зашагал ко входу в крепость. Брюс и Синявин двинулись следом.

Обычно живой, взыскательный и дотошный, светлейший нынче выглядел хмурым и озабоченным, хотя всячески старался скрыть это. Сегодня поутру его долго мучил кашель, князь стал задыхаться, а когда поднес к лицу платок — тончайший раздушенный батист вдруг окрасился алой кровью.

— Алексаша! Боже тебя избавь! Что это?! Да неужто чахотка?! Ох, свят, свят, свят!.. — Дарья Михайловна — супруга князя — страшно перепугалась.

Данилыч невесело улыбнулся:

— То-то недруги мои возрадуются... — он с трудом придержал дыхание.

Красавица-жена истово перекрестила мужа и сама осенила себя крестным знаменем. Он неловко скомкал платок и брезгливо отбросил его. Дарья Михайловна участливо посмотрела в узкое, бледное лицо мужа с упрямым, выдающимся вперед подбородком и заботливо предложила:

— Может, душа моя, лекаря кликнуть?..

Супруг перевел дыхание и хмуро ответил:

— Погодим. Пока не до того...

— Да как же?! Это ведь беда, дорогой!.. — жена подняла батистовый комок, пропитавшийся кровью, и глаза ее увлажнились. Данилыч рывком запахнул халат и решительно вышел из спальни.

Третьего дня он получил письмо от своей бывшей пассии Екатерины. Невеста государя сообщала ему, что «господин контр-адмирал» был серьезно болен. Дорога-де оказалась до того скверной, что приходилось чуть ли не по горло передвигаться в ледяной воде. Но теперь, слава Богу, он выздоровел и намерен следовать дальше...

Светлейший понимал — его осведомительница не могла передавать все открытым текстом, ей приходилось прибегать к иносказаниям. Из письма выходило, что царь движется на юг, навстречу османам. А ежели он вдруг завернет в Польшу? Зная переменчивый характер Петра, Данилыч сознавал — такой поворот не исключен. И чреват для него самыми непредсказуемыми последствиями...

После Полтавской победы, где он сыграл едва ли не самую главную роль, умело командуя кавалерией и предрешив исход битвы (под ним трижды убивали лошадей), а потом взяв в плен бежавшего генерала Левенгаупта вчетверо меньшим числом солдат, — Меншиков с лихвой вознаграждал сам себя за проявленный героизм...

Помимо всех отнятых у гетмана-изменника Мазепы имений, он захватил «маетности» видных польских вельмож, даже не постеснялся отнять драгоценности у графини Огинской, благоволившей к русскому государю. Сдерживаемая до поры до времени алчность фаворита перешла всяческие границы.

Впрочем, и сам Петр, признавая отчаянную храбрость, предприимчивость, ум, ловкость и распорядительность своего любимца, на многое закрывал глаза. Назвав его однажды «мейн герценкин» — дитя моего сердца — государь позволил своему дитяти вконец расшалиться. И безмерно баловал его.

Правда, Данилыч нередко проявлял чудеса отваги и самопожертвования. Он первым серьезно потрепал шведскую армию в битве под польским городом Калишем, наголову разбив генерала Мардефельда. Причем сам повел в атаку пеших драгун, шагая в первых рядах со шпагою в руке. Что было, то было... И на гражданском поприще Меншиков не имел себе равных, предвосхищая многие начинания самого царя.

Миновав каменную арку ворот, губернатор оказался внутри неприступной крепости. Здесь многое виделось делом, если не его рук, то неумной энергии и распорядительности. Говоря по совести, весь безмерно любимый государем «парадиз» обязан своим рождением и становлением ему — Александру Даниловичу Меншикову — безродному выскочке, бывшему денщику и сыну конюха...

Светлейший придирчиво осмотрелся — гранитные куртины и бастионы прочно заняли место бывших земляных валов — и ныне мощная цитадель могла противостоять любому грозному, немилосердному врагу. Данилыч удовлетворенно качнул головой. Теперь на страже Санкт-Петербурга стояло несколько серьезных крепостей — Кронштадская, Кроншлотская, Шлиссельбургская и Петропавловская. И все они подняты его трудами...

Губернатор обратился к свите:

— А теперь, господа, надобно побывать в Адмиралтействе...

Брюс и Синявин тут же подчинились. Оба знали, как строг и неотступен князь в своих намерениях и приказах. Выйдя из ворот, они подошли к боту, где их смиренно поджидали дюжие гребцы.

Нева широко, уверенно и свободно катила свои темные воды, разделяемые надвое стрелкой Васильевского острова и, казалось, пренебрегала любыми усилиями людей, пытавшихся упрямо обуздать ее...

И гранитная крепость, и деревянный домик царя, и церковь Петра и Павла, и лютеранская кирха, и новый дворец губернатора — всего лишь жалкие декорации, а стоит своенравной реке набраться сил, грозно поднатужиться — и ее неуправляемые, буйные, стремительные волны смоят и унесут все эти пустопорожные затеи и людское чванство в бескрайнее море. А там они канут на дно, чтобы никто и никогда не вспоминал о них...

Поддерживаемый комендантом и комиссаром, Данилыч взобрался на бот и скомандовал:

— Идем в Адмиралтейство...

Гребцы навалились на весла, посудина неуклюже развернулась, кормщик грозно прикрикнул:

— Право гребки, лево табань!

Бот разом обрел устойчивость и взял курс на левый берег реки, где в огромном прямоугольнике корабельной верфи тесно сгрудились темные корпуса десятка почти готовых и строящихся судов. Звенели кузнечные молоты, стучали топоры, визжали пилы... Слышалась русская и чужеземная речь и брань... Российский флот уверенно становился на ноги...

Бот неуклонно одолевал стремнину, гребцы хватко и слаженно орудовали веслами, словно играючи превозмогая стойкое упорство могучей реки. Губернатор чинно

Государь был вне себя:

— Ах, он мерзавец!.. Сквалыга!.. Пес смрадный! — Петр в ярости метался по комнате, и все кругом ужасалось и дрожало...

— Хамское отродье! Сволочь! Холуйское семя! Сын беззакония! — царь на минуту остановился, неистово глядя на свою свиту, — зачат, паскудник, неведомо где! В грехах родила его мать! И в плутовстве скончает он живот свой! — Петр рубанул рукой воздух. — Быть ему без головы!

Канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, посол Долгоруков, кабинет-секретарь Макаров, серб Савва Рагузинский и царская невеста Екатерина в волнении и страхе следили за иступленными телодвижениями государя. Его гигантская фигура казалась им еще выше и грознее, и каждый всерьез опасался за самого себя. Одно, невпопад сказанное слово или неловкий жест могли стоить любому жизни...

Даже Екатерина, умевшая в подобные минуты укрощать гнев своего господина, понимала, что нынче она бессильна.

— Так нагло, бесчестно, ненасытно прибрать к рукам чужое добро! — Петр рванул ворот рубахи. — Ограбить не токмо вельможных панов, но и целые города и волости!.. — царь сжал кулаки.

Свита испуганно молчала. Все понимали меру и величину государева негодования. То, что позволил себе его виновник, переходило всяческие границы. Каждый из присутствующих тоже был грешен, тайно позволяя себе неизбежные вольности, однако они не шли ни в какое сравнение с тем, что вытворял царский фаворит.

Один лишь Савва Рагузинский, оказавшись случайным свидетелем происходящего, не понимал до конца его причин, но дипломатическое нутро серба не разрешало ему доискиваться истоков.

Безудержные, наглые, бесстыжие вымогательства светлейшего князя походили на откровенный разбой среди бела дня. Он не гнушался ничем, ни большим, ни малым. Взяв приступом город Батурин — резиденцию гетмана Мазепы, — он оставил его за собой в вечное владение. Затем захватил целый уезд и земли казацких старшин...

В Польше Меншиков совсем распоясался — ни одно воеводство, ни одна волость не избежала его разорительных поборов.

— Нет, доле терпеть сие невозможно! — Петр устало опустился на табурет. — Ведь знает, подлец, что ляхи на две стороны глядят — на нашу и шведскую! — он глубоко вздохнул. — И нам никак нельзя их шибко прижимать, иначе они все к Карлу переметнутся!

Канцлер Головкин скорбно покачал головой. Наиболее наблюдательный из всех и тонко понимавший все душевные состояния царя, Шафиров осторожно заметил:

— Справедливо молвите, Петр Алексеич... Ежели с поляков нынче семь шкур драть — в войне с османами они нам точно не пособники!..

Государь невесело оглядел свою команду и распорядился:

— Садись, Алексей... Будем писать указ...

Макаров тут же опустился на стул, открыл походную чернильницу, положил перед собой листы бумаги, взял гусяное перо...

— А кому вы будете писать, ваше величество? — негромко спросила Екатерина. — Наследнику или в сенат?

Петр задумался. В его отсутствие власть в России как бы разделилась. Формально во главе государства стоит Правительствующий Сенат, и в то же время за ним приглядывал наследник престола, царевич Алексей. Значит, он стоит выше этого новоиспеченного органа. Головкин предпочел отмолчаться. Шафиров почувствовал, что государь заколебался и тут же предложил:

— Можно, конечно, отправить две бумаги — наследнику и в сенат, — вице-канцлер лукаво сощурился, — только это вряд ли поможет...

— А коли наказать его примерно, — подхватил Долгоруков, — то надобно лишить всех чинов и званий!

Петр смешался. Его бывший денщик, спавший когда-то на рогожке у двери и резво вскакивавший на ноги при любом, ничтожном шуме, случись он в царской опочивальне или за ее стенами, и готовый, не колеблясь, отдать жизнь за молодого властителя, — нынче превратился в ненасытного упыря, способного всосать в свое бездонное чрево чуть ли не пол-Европы. А заодно и пол-России, вместе с ее законным владыкой...

Считая его отменным, прирожденным слугой, Петр не уставал удивляться безмерным талантам своего холопа. Алексашка был на редкость сметлив, проворен, дотошен и смел. Царь охотно признавался, что во многом денщик превосходил его самого. Едва ознакомившись с чем-то новым и необычным, он сразу схватывал самую суть и тут же мог повторить и даже улучшить чужую работу либо задумку.

А воинские способности денщика были выше всяческих похвал. Он отважно сражался и на суше, и на море... Вместе с Петром в мае 1703 года, они на лодках (!) с командой матросов взяли на абордаж два шведских корабля. И, сражаясь шпагами и пистолетами, одолели грозного врага! Это была первая победа на море, за которую Меншиков получил орден Андрея Первозванного.

Затем он, скоро и успешно, возводил Санкт-Петербург, строил Кронштадт и Кроншлот. Заложил большую корабельную верфь. Но как только война перенеслась на сушу — Данилыч блистательно командовал кавалерией, став ближайшим помощником фельдмаршала Шереметева. И первую крупную победу над противником тоже одержал бывший денщик уже в чине генерал-поручика.

Не будет лишним вспомнить, что в сентябре 1707 года он едва не взял в плен шведского монарха, когда тот с отрядом телохранителей опрометчиво переправился через Вислу вблизи Варшавы. Карл тогда едва отбилсЯ. А заслуги Меншикова в незабываемой Полтавской битве никто не в силах переоценить...

После скоротечного двухчасового сражения поле было усеяно мертвыми телами врагов, но значительная часть шведской армии позорно бежала. И вдогонку за ней государь спешно отправил незаменимого Данилыча. С силами вчетверо меньшими, чем у противника, тот настиг шведов на левом берегу Днепра. Карл и гетман Мазепа уже успели переправиться на другую сторону реки...

Положение оказалось критическим, но Меншиков ловко сделал вид, будто за ним движутся главные силы русской армии, и генерал Левенгаупт предпочел сдаться на милость победителя. Алексашка здесь поступил, как настоящий былинный герой — богатырь Алеша Попович, который был не горазд силой, зато «напуском смел». И эта безудержная смелость, часто переходящая в наглость, дерзость и нахрап, повсюду сопровождала бывшего холопа...

Все это мгновенно пронеслось в голове царя и посеяло смятение в его душе. Екатерина, заметив перемену в настроении жениха, осторожно сказала:

— Вчерась я получила письмо от Дарьи Михайловны, — она глубоко вздохнула, — плохо ему. Кровью харкает...

— Кто? Данилыч?! — встревожился Петр.

— Он самый, ваше величество, — негромко подтвердила невеста, — и лекаря не раз к нему призывали, только лучше князю не стало...

В комнате воцарилось глухое, беспокойное молчание. Неожиданная хворь ближайшего наперсника государя породила у собравшихся ворох самых разноречивых чувств. Радость, удовлетворение, злорадство, беспокойство разом охватило канцлера, вице-канцлера, посла, секретаря... Однако все они, скрепя сердца, вспомнили, что светлейший князь остался единственным надежным хранителем недавно обретенных земель, и ежели Господь его приберет, то...

Самый родовитый из присутствующих — князь Долгоруков — сотворил непроницаемое лицо. Судьба фаворита была ему безразлична.

— Вот незадача-то! — сокрушенно воскликнул догадливый Шафиров. — Кто бы мог подумать об такой напасти? — вице-канцлер перекрестился. — Дай Бог ему поскорее оправиться...

— И здравствовать долго! — подхватил Головкин.

Макаров поддержал их сочувственным вздохом. Петр молча окинул взглядом свою лукавую свиту. Он сумел уловить все оттенки в настроении помощников и хмуρο заключил:

— Все мы под Богом ходим. И каждому свой час придет... — он качнул головой и криво усмехнулся, — но не всяк умирает, кто долго хворает!

На государя вдруг снизошли умиротворение и жалость. Если его верный сподвижник всерьез зачахнет и преставится — это будет невосполнимой утратой. Никто из его ближайшего окружения не заменит бесшабашного, ловкого, отчаянного, многоликого Данилыча.

Все присутствующие, исключая Савву Рагузинского, сотворили постные, скорбные физиономии. Одна Екатерина горевала всерьез. А бедный серб не мог понять — еще несколько минут назад в доме кастеляна польского городка Яворово, где расположился русский государь, гремели проклятья и отборная брань, а теперь воцарился покой и смирение...

— Да где же он, этот чертов Август?! — прервав затянувшуюся паузу, воскликнул Петр. — Пора бы ему и честь знать!

Вице-канцлер сразу нашелся с ответом:

— Мне думается, Петр Алексеич, что хитрые ляхи его за нос водят... Народец еще тот!

Речь шла о бравом саксонском курфюрсте, вновь посаженном Петром на польский престол и на встречу с которым он и прибыл в Яворово. Без помощи марионеточного короля государь не мыслил удачной войны с османской империей. А увертливый, двоедушный Август не очень спешил с приездом...

9

Приплыв на корабле из Стамбула в порт Констанцу, генерал Понятовский пересел в бричку и отправился, не мешкая, в Бендеры. Настроение у поляка было смутным: во-первых, его не радовало состояние турецкой армии, ни ее вооружение, ни отсутствие дисциплины, ни настрой янычар. Хотя сераскир, его ближайшие помощники и младшие командиры всячески храбрились и уверяли, что «неверные» сразу разбегутся при виде бесчисленного турецкого воинства — бывший генерал лишь хмуρο отмалчивался...

А великий визирь, взявший на себя все руководство будущими военными действиями, вовсе не думал снисходить до объяснений и советов с агентом шведского короля. Выслушав настойчивые просьбы поляка позволить Карлу участвовать в

грядущих сражениях, визирь вначале надменно отклонял их, потом милостиво разрешил адъютантам монарха — Шпарре и Гилленкроку — прибыть к нему в ставку.

— А будет ли мне позволено составить им компанию? — кляня себя в душе за унижение, негромко осведомился Понятовский.

Мехмед-паша, многозначительно помолчав, важно кивнул головой в пышном тюрбане. Ненароком вспоминая все это, генерал досадливо вздыхал. Его нынешнее состояние, скорее, не лично его, а судьба поверженной, растерзанной родины, обрекало всех ее сыновей на зависимое, позорное положение. Испив чашу стыда перед османами, он должен повторить ту же участь перед шведским королем.

Понятовский воочию представил, как ему придется искусно лебезить и выкручиваться перед вспыльчивым, несдержанным Карлом, который не преминет осыпать хлесткой бранью и злобными проклятиями никчемных турок и заодно его самого.

Генерал выглянул в окно. День назад он переправился через Дунай, а теперь по обе стороны дороги простиралась бескрайняя бессарабская степь. Уже успели отцвести тюльпаны и маки, травы вымахали чуть ли не в пояс и заметно подернулись желтизной. Не звучали веселые голоса жаворонков, малиновок и овсянок — все они успели высидеть птенцов и занимались только тем, что без усталости кормили свое прожорливое потомство...

До полудня было еще далеко, однако жаркое майское солнце успело разогреть до нестерпимой духоты неподвижный, застывший воздух. Им стало трудно дышать. По лицу Понятовского катился пот, а лошади перешли с рыси на шаг и, усердно хлеща по бокам хвостами, безуспешно отгоняли назойливых оводов...

За каретой, точнее повозкой генерала, скакали верхами полтора десятка сердюков из личной охраны покойного гетмана Мазепы. Все они были поляками, и это значительно облегчало жизнь и тайные заботы генерала о собственной безопасности.

Суровое, кочевое существование, выпавшее на долю каждого из стражей, сделало из этих «хлопов» безжалостных, закаленных воинов, лишь внешне непохожих на тех же турок и татар. Но в умении владеть арканом и саблей или мастерски управлять конем — они ни в чем не уступали природным степнякам.

— Что там, Иохим? — высунув голову в окошко, Понятовский показал глазами на темное, разреженное облако, стремительно приближавшееся навстречу.

Волны душного, перегретого воздуха, поднимавшиеся от раскаленной земли, образовали густое, знойное марево, а в его зыбкой пелене таинственно плыло и кружилось что-то черное и устрашающее...

— Худо, ясновельможный пан, — хрипло отозвался старший сердюк, — цэ саранча!

По его сухошавому, обветренному, в резких морщинах лицу обильно струился пот, узкие, сухие губы едва размыкались, а в серых, сощуренных глазах не читалось ничего. Генерал успел подумать, что этого человека ничто и никогда не сможет испугать.

А через несколько минут на стенки, окна и крышу брички обрушилось, колотясь, шурша и стрекоча, неисчислимое полчище отвратительных тварей. Кони встревоженно захрапели, рванулись встать на дыбы, едва не опрокинув повозку. Кучер и охранники чудом усмирили обеспокоенных животных, напуганных не видом мерзких насекомых, а их безмерным количеством.

Понятовский с досадой и отвращением видел и чувствовал, как бледно-зеленые, юркие, всепроникающие твари, с сухими прозрачными крыльями и цепкими щеко-чущими лапками заползают всюду. Они облепили изнутри его коляску, блуждали по его лицу, лезли за воротник. Бедный генерал, забыв обо всем на свете, ругался последними словами и брезгливо отшвыривал в окно гадких паразитов.

В какое-то мгновение ему показалось, что они заполнили все кругом, вытесняя подряд все живое. Но через несколько минут, словно по мановению свыше, кошмарное скопище насекомых куда-то убралось, будто испарилось. Только с десяток мерзких созданий еще упрямо ползали по стенкам брички, точно в каком-то оцепенении. И Понятовский нежданно сообразил, что он по-прежнему продолжает путь...

Генерал выглянул в окно:

— О, Езус Мария!.. Иохим! Что это было?!

— Беда, ясносельможный пан! — сердюк покусывал отвислый, мокрый ус. — Лошадям скоро корму не станет!..

Понятовский вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Мысль о том, что в скором, неизбежном столкновении османов и русских придется участвовать и ему тоже, не слишком радовала бывшего генерала. Хотя он понимал: его попытка уклониться от кровавой стычки отзовется несмываемым позором.

Непредсказуемый шведский король, сместив в свое время с польского престола немца Августа, почему-то поставил на его место познанского воеводу Лещинского, а не его — Понятовского. И даже не бывшего киевского воеводу Потоцкого, а уж он-то, по знатности рода и немалым заслугам своих предков, как никто другой, подходил для этой роли!

Если турки все-таки разобьют Петра и захватят часть Польши, упрямый Карл вновь убедит их посадить на трон Лещинского. А, впрочем, кто знает...

Генерал вновь вспомнил далеко не блестящее состояние армии османов. Невежество и несокрушимую надменность турецкой верхушки. А тут еще эта неслыханная саранча! Он вновь высунулся в окошко...

Трава по обе стороны дороги была почти под корень срезана точно огромной косой. С той лишь разницей, что рядом с торчащими из земли жалкими остатками стеблей не лежали пучки свежескошенной травы. Ее подчистую истребили нена сытные летучие твари....

Понятовский покачал головой и закрыл глаза. До городишки Бендеры оставалось еще полдня пути. Легкая бричка с плетеным кузовом и кожаным верхом, с дышлом вместо оглобеля, по обе стороны которого устало трусила пара запряжных лошадей, неспешно катила по пыльной дороге. Следом за ней скакали угрюмые верховые, сурово насупив брови и глядя куда-то вверх конских голов. Впереди мелькнула узкая, белесая полоска Днестра. Кони прибавили шагу...

10

Главная армия, под командой Б. П. Шереметева, неуклонно, как могла, двигалась на юг. Однако идти общим, единым порядком никак не получалось, и потому пехота, кавалерия и артиллерия перемещались порознь. Но дело было не только в скорости хода тех или иных частей — появились летучие отряды крымских татар, успешно нападавших на растянувшееся войско...

Тогда, не мешкая, фельдмаршал приказал отделить полки Репнина и Вейде и бросить их на отпор дерзких налетчиков. Самый болезненный урон, который те наносили наступающей армии — поимка и убийство фуражиров.

Трава, обильно выросшая по весне, стремительно желтела и увядала. Командующий, упорно передвигавшийся в небольшой крытой повозке, едва спасавшей от немилосердно палящего солнца, с тоской смотрел вокруг. Ему невольно вспоминалась провальная кампания 1687 года под началом князя Голицына, когда большое русское войско вместе с запорожскими казаками безуспешно пыталось одолеть крымцев...

Правда, сам Борис Петрович в том позорище не отметился. Он служил тогда воеводой в приграничных областях — в Белгороде и Севске — должных оборонять южные пределы России. И в первом походе на Азов, которым руководил молодой Петр, Шереметев тоже принимал стороннее участие, командуя полками, отвлекаящими противника от главных сил, заставляя его расплыть собственные. Но теперь все обстояло иначе...

— Батюшка, — к возку командующего верхом подъехал полковник Михаил Шереметев, — фуражиры вернулись ни с чем... Чертовы татары весь запас отбили!..

На сына фельдмаршала было жалко смотреть — потный, в расхристанном мундире, шляпа и сапоги посерели от густой пыли, конь под ним изнурен недокормом и оводами, в огромных остекленелых зрачках несчастного животного зрело безумие...

Шереметеву от невыносимой жары, духоты, докучливых мух и слепней не хотелось не только говорить и думать, даже жить не хотелось. Он — без малого шестидесятилетний старик — с молодых ногтей, тринадцатилетним мальчишкой начал служить российскому престолу. Прошел все ступени государевой лестницы — от комнатного стольника до ближнего боярина и главнокомандующего. И вот, несмотря на все заслуги, вынужден околевать в приднестровских степях от нестерпимого зноя, бескормицы и телесной немощи...

— Погоди, Михайло, — едва слышно просипел старый воин, — Вейде обещался вскорости сена добыть...

Лошадь под сыном фельдмаршала резко дернулась и мотнула хвостом — оводы не давали бедняге покоя. Полковник едва удержал ее на месте.

— Который нынче день? — пересилив себя, спросил отец.

— Вторник был с утра... — хмуро ответил Михаил.

— А число которое?

— Мая двадцать первое...

Борис Петрович подумал и легонько перекрестился:

— Значит, нынче сретенье иконы Владимирской Божьей матери... Заступницы нашей...

Чуть в стороне от повозки фельдмаршала медленно двигались конные драгуны, тряско кагила артиллерия, а следом за ней едва тянулась пехота... Все, что можно было уложить на подводы — плащи, запасы пороха, штыки, сумки с пулями, алебарды, рогатки — все это скопом поместилось на фурах и телегах...

Солдаты шли, с трудом соблюдая строй, неся за плечами одни фузеи. Со стороны казалось, что это шагает не стойкая, наступающая армия, а усталые, потрепанные части неведомого войска, с трудом избежавшие плена.

Фельдмаршал окинул их сумрачным, подавленным взглядом и прижмурил веки. Вид собственной армии донельзя угнетал его командующего. После Полтавской битвы шведы выглядели немногим хуже...

— Трогай, — чуть слышно приказал он вознице.

Коренастый унтер залихватски щелкнул бичом, и возок фельдмаршала, влекомый парой степных малорослых лошадок, тряско покатил по полю. Михаил слегка прищпорил коня, и тот подался следом за повозкой.

А далеко впереди поднималась, нет, скорее разрасталась — широко и угрожающе — густая, непроницаемая завеса серой пыли. Молодой Шереметев встрепнулся:

— Вот так оказия! Черти бы их побрали!..

Фельдмаршал высунул голову из возка:

— Кто там?! Кого черт несет?!..

Полковник хлестнул жеребца:

— Кажись, татары, батюшка! Мать их перемать!..

Шереметев забеспокоился:

— Прикажи драгунам встречь скакать!.. Пехоту за телегами немедля укрыть!..

К бою изготавиться!..

Михаил согласно мотнул головой и поскакал исполнять приказ. Но особой нужды в том не было: заметив опасность, все разрозненное войско — от солдата до генерала — мигом приготовилось к обороне. Рядовые примкнули штыки, разобрали сумки с пулями, артиллеристы развернули орудия и разом выпрягли лошадей, драгуны обнажили палаши и сабли, поскакав навстречу неугомонному врагу...

К повозке командующего приблизился генерал Ренн:

— Ваше превосходительство, уж не османы ли движутся?..

Шереметев старательно взгляделся. Пыльное, необъятное облако, почти закрывшее горизонт, двигалось слишком медленно. И было оно столь велико, что никакой отряд всадников не смог бы поднять в воздух такое невероятное количество земного праха...

— Ежели это пехота, — настойчиво продолжил Ренн, — то мы ее, с грехом пополам, отобьем... Господь поможет!..

Шереметев не отвечал. Вид неотступно приближающегося противника озадачил его. Сколько же тысяч упрямых янычар идут разить его армию в эту непереносимую жару? И, судя по тому, что пыльная туча не оседает и не уменьшается — шеренги турецких солдат шагают безо всякой усталости и страха.

Генерал и фельдмаршал встревоженно переглянулись. А навстречу им скакал измотанный, но счастливый полковник Шереметев:

— Батюшка, — прохрипел он на скаку, — молдавский господарь нам волов и баранов послал!.. Вейде их охраняет...

Главнокомандующий и генерал с неизъяснимым облегчением взглянули на клубы надвигающейся пыли. Сквозь ее густую пелену едва прорезывались силуэты мирно бредущих овец и баранов. Склонив крутолобые, рогатые головы, покорно неся свои косматые, серые от пыли тела, они радовали глаз своим несметным числом...

— Сколько их? — прокашлявшись, спросил фельдмаршал.

— Пятнадцать тыщ, как будто... — ответил Михаил.

— А волов? — любопытно спросил Ренн.

— Волов четыре тыщи...

Генерал криво усмехнулся:

— А обещал двадцать тыщ баранов и десять тыщ волов...

Старший Шереметев негромко буркнул:

— Коню дареному в зубы не глядят!.. Спасибо и на том!..

Ренн недоуменно взглянул на своего начальника, но тут же отвлекся. Усталая, отощавшая от долгого, вынужденного поста армия с нескрываемым восторгом встретила неожиданно приваливший живой провиант. Драгуны, артиллеристы, пехотинцы, широко улыбаясь, смеясь и говоря ласковые, шуточные слова, тесно окружили бедную скотину...

— Бяша, бяша, бяша!.. — почесывая за ухом молодую овцу, умиленно твердил молодой солдатик, которого звали Евлахой.

— Скоро мы эту бяшу того! — чиркнув по горлу крепкой пятерней, игриво осклабился сержант. — Была, мол, бяша, а стала шти да каша!

Солдаты вокруг весело, довольно засмеялись. Унтер-офицер, оказавшийся рядом с подчиненными, не преминул уточнить:

— Для штей нету свеклы да капусты, а каша будет очень вкусно! — и для наглядности почмокал толстыми губами.

Солдаты радостно загомонили в предвкушении обильного насыщения своих пустых, изнуренных походом животов...

Фельдмаршал и его ближайшие помощники, наблюдая со стороны эту оживленную, шумную, восторженную картину, понимая переглядывались и снисходительно улыбались...

11

С криводушным польским королем Августом (он же потомственный саксонский курфюрст — владетельный князь), государь был знаком более десяти лет. Со времени своей первой поездки за границу в марте 1697 года. Петру тогда исполнилось двадцать пять лет. Август был двумя годами старше.

Пожалуй, он одним из первых отнесся к властителю «дикой» Московии как к равному. Вероятно, в силу молодости и живости характера — саксонец был ловок, подвижен, смел, большой кутила и бабник. У его нового русского знакомого подобные черты вызывали лишь одобрение и восторг.

«Великое посольство», в котором царь московитов числился унтер-офицером Петром Михайловым, наделало в просвещенной Европе много шума и недоразумений. Чужеземные владыки не могли понять, почему российский самодержец прячется в свите своих подданных, упорно выдавая себя за рядового путешественника, чуть ли не слугу?

Никому не приходило в голову, что за всем этим скрывалась обычная застенчивость и нежелание угодить впросак. С ранней юности Петр не любил пышных церемоний и всякого рода условностей. А попав в Европу, молодой царь тем более не хотел играть роль важной персоны, перед которой все раскланиваются и расшаркиваются, говорят заученные слова и скрывают истинные мысли и чувства...

Вот саксонский князь именно этого и не делал. Оба молодых человека занялись тем, что было свойственно их возрасту и схожести темпераментов — фехтовали, стреляли в цель, бражничали и развлекались... Подпав под обаяние веселого, ловкого, бесшабашного саксонца, Петр, не раздумывая, горячо поддерживал его в притязаниях на пустующий польский престол. (Король Польши Ян Собеский год как скончался.)

Август занял королевский трон и поневоле стал союзником Москвы. Но с началом русско-шведской войны многое переменялось. Не все поляки охотно приняли нового короля, весьма значительная часть дворянства (шляхты), владетельные магнаты и глава католической церкви (ее примас) не пожелали иметь своим верховным владыкой саксонского курфюрста, протестанта по вероисповеданию. (Правда, Август сразу принял католичество, однако противники не унялись.)

Этим и воспользовался Карл XII, направив свои войска, после разгрома русских под Нарвой, против полков Августа. Незадачливый король был наголову разбит, и Польша разделилась. Карл, по примеру Петра, назначил новым королем познанского воеводу Станислава Лещинского. Август же бежал в свою родную Саксонию...

Дальнейшие его отношения с царем московитов принимали странные и двусмысленные превращения. Ловкостью и обаянием своего саксонского приятеля Петр уже не обольщался. Он понимал, что все, без исключения, иноземные владыки смотрят на него, как на хозяина таинственной, страшной, варварской страны...

С ним можно заключать временные союзы, но только лишь затем, чтобы воспользоваться его силой и обстоятельствами. Однако при удобном случае его не грех обмануть и предать. Сам Август многократно демонстрировал это. После Полтавской победы Петр восстановил его на польском престоле и теперь, прибыв в польский городок Яворово, больше месяца ждал важной встречи.

Но Август не отважился приехать туда, а остановился в ста верстах, в городке Ярослав. И Петру пришлось самому отправляться на свидание с польским королем. От былой признательности и расположения к бравому саксонцу у русского царя не осталось и следа. Слишком много лжи, подлости и предательства испытал он от мнимого союзника. Даже немногословная, верная Екатерина, садясь с женихом в карету, укоризненно посетовала:

— Какой он скользкий да увертливый, этот польский король! И до женских юбок падок, страсть!..

Петр усмехнулся. Неумное женолюбие, а скорее распутство, Августа вошло в легенды и сплетни. Его сомнительным победам над слабым полом, казалось, несть числа. А количество королевских внебрачных детей якобы равнялось дням в году!

— Твоя правда, Катериночка! — вздохнул государь. — Токмо с этим бесом увертливым, хочешь не хочешь, а придется уговор держать!.. Иного пути нет... Вот такая оказия!..

Подруга сбоку взглянула в озабоченное лицо своего господина и смолчала. Она давным-давно научилась понимать, сколь сложна, разнообразна и многотрудна роль российского самодержца, призванного почти в одиночку нести на своих плечах бремя войны, мира и благополучия государства. Царь устало прикрыл веки своих выпуклых, круглых глаз...

Он насилу оправился от болезни и старался быть по-прежнему активным и неистощимым на выдумки. Однако не мог не замечать, что обстоятельства весьма далеки от желаемых. А тут еще этот верткий, непостоянный Август! Пожалуй, стоило признаться себе, что из всех европейских владык он — единственный, кто идет с Россией на призрачные союзы. Все остальные — явные или скрытые враги.

Царский экипаж бодро катил по наезженной дороге, впереди и сбоку скакал эскадрон драгун, а сзади тянулась нескончаемая вереница карет, в которых разместились жены, дети и служанки высших офицеров. С согласия государя и его невесты все они направлялись в Ярослав, ибо там было решено оставить их до окончания военной кампании...

В отдельном экипаже ехали канцлер Головкин, его ближайший помощник Шафиров, посол Долгоруков и секретарь Макаров. Сухой и желчный канцлер не устал брюзжать:

— Не слишком ли много позволяет себе этот польский король? — он сердито окинул соседей. — На трон его чудом посадили — и на тебе — опять кунштюки выкидывает! Требовать от государя — в свое владение Ригу?! Он что — умом тронулся?!

Спокойный, рассудительный Долгоруков пожал плечами:

— По всему видно — Август цену себе набивает! Ригу, вишь, ему подавай!..

— Цена ему — грош в базарный день! — усмехнулся Шафиров, бывший в юности простым сидельцем в мелочной лавке. — А кусок-то с барского стола урвать шибко хочется!.. Руки, видать, крепко зачесались...

Наблюдательный, скрытный кабинет-секретарь, зная нелюбовь седоков друг к другу, понимал, что их раздражение питала взаимная неприязнь и терпеливо отмалчивался. Лишь мудрая проницательность и настойчивость царя собрала этих людей воедино и заставила служить общей цели, несмотря на обоюдное отвращение. А не будь этой крутой монаршей воли — они бы перегрызли один другому горло!..

Макаров выглянул в окно. Навстречу царскому поезду спешила шумная кавалькада всадников.

— Нас, похоже, встречают! — удивленно заметил секретарь.

И вправду: во главе пышной процессии скакал сам польский король — бывший саксонский курфюрст Август. Статный, бравый, щеголевато одетый, прекрасно держась в седле. Он лихо осадил коня перед царской каретой, ловко спрыгнул

наземь, широким жестом снял шляпу и склонил голову в поклоне. Петр распахнул дверь экипажа:

— Гутен таг, майн либер кайзер!..

У пояса саксонца была пристегнута знаменитая шпага, которой он когда-то обменялся с Карлом и затем возвращенная ему русским царем. Петр заметил ее и улыбнулся:

— Хороша находка! Не затупилась еще?

Август скромно потупился.

— Она тебе нынче пригодится. На турок с ней пойдем! Готовься!

Король смиренно вздохнул. А дамы из многочисленных карет мигом высунулись наружу и не сводили жадных, восхищенных взоров со знаменитого волокиты. Каждой нестерпимо хотелось, чтобы неутомимый сердцеед бросил ей всего лишь один страстный, мимолетный взгляд...

— Явился, хлыщ двуличный! — злобно пробурчал Головкин.

— Что делать, Гаврила Иваныч, — качнул головой вице-канцлер, — нет хуже нужды да стужи! Ежели бы Петр Алексеич в этом прохвосте шибко не нуждался — разве отправился бы за сто верст киселя хлебать?!

С этим грустным, но очевидным доводом нельзя было не согласиться. Август оказался единственным из европейских владык, кто мог оказать русскому самодержцу хоть какую-то услугу. Как ни горько было признаться, но блистательная Полтавская победа отнюдь не прибавила России славы и уважения в Европе. Скорее наоборот — почти все зарубежные державы смертельно испугались возросшей мощи Москвы и стали настойчиво плести против нее хитроумные интриги. Видимо, такова человеческая природа...

12

Генерал Понятовский, приехав в Бендеры, осторожно поведал шведскому королю о своих злоключениях в Стамбуле. Карл, слушая своего агента, едва сдерживал себя. Все, что происходило в турецкой армии, вызывало у бывалого вояки колкие насмешки и взрывы негодования. Легкомысленная медлительность османов, неумение быстро собрать нужную военную силу, воодушевить ее и твердо направить куда следует — любого могло только раздосадовать.

Карл тербил волосы на висках, вскакивал с дивана, опять садился, пыхтел и тряс головой...

— Я начинаю думать, — глядя на нервные телодвижения монарха, негромко заметил Шпарре, — что у турок нет настоящей, боеспособной армии... С чем они собираются воевать?

Понятовский замялся и в разговор вступил Гилленкрюк:

— Единственная сила, на которую они, скорее всего, могут рассчитывать — это янычары... — генерал развел руками, — однако их не так много, как хотелось бы, а остальные — просто жалкий сброд. Их даже нельзя называть солдатами!

Польский генерал нехотя согласился:

— Вероятно, так оно и есть. Основная масса, по-моему, что-то вроде ополчения...

— Которое стремглав разбежится при первой серьезной стычке! — сердито съязвил король. — Как московиты под Нарвой...

Адъютанты исподтишка переглянулись. Оба, не сговариваясь, подумали, что история может повториться самым кошмарным образом. Карл заметил тревожную паузу, воцарившуюся в зале, и тут же прервал ее:

— А что же французы? Они решили бросить своих друзей на произвол судьбы?! — он критически оглядел своих собеседников. — Насколько мне известно — Франция обещала помочь османам и оружием, и воинской силой! Разве не так?

Понятовский слегка улыбнулся:

— К сожалению, ваше величество, Франция увязла в войне с австрийцами, — поляк вздохнул, — Людовик и Леопольд никак не могут поделить испанское наследство! Вернее, каждый норовит забрать его себе...

Карл молчал. Гилленкрок взглянул на него и прибавил:

— А из всего этого, кажется, следует сделать один непреложный вывод, что турки, увы, остались в одиночестве.

Шпарре не согласился:

— Прошу извинить меня, ваше величество, только мне почему-то думается, что Франция вскоре возьмет верх.

Карл в упор взглянул на него и пожал плечами. Он не испытывал горячих симпатий к «королю-солнце», считая того слишком старым, трусоватым и женолюбивым. Сам же он был закоренелым девственником, а идеалом шведского владыки мог быть только монарх-воин. Своего первого медведя Карл взял в пятнадцать лет.

— Я не верю в скорую победу Франции! — небрежно бросил он.

— Ваша правда, ваше величество, — тут же подхватил Понятовский и незамедлительно пояснил: австрийский посол сообщил мне по секрету... — в глазах агента заблестели заговорщицкие огоньки, — что Людовик отправлял в Москву некоего Балюза, чтобы тот договорился с Петром...

Карл привстал:

— Договорился?! О чем?

— О том, чтобы русская армия, придя в Польшу, ударила австрийцам в тыл... — быстро ответил поляк.

— Но каким образом? — настаивал король.

Агент облизал сухие, обветренные губы:

— Каким образом? А вот таким, — он подошел к карте, лежавшей на столе, — смотрите, ваше величество...

Карл и генералы приблизились к нему. Склонили головы над картой.

— Армия московитов, вместо того чтобы идти к границам Османской Порты, — Понятовский указал на городишко Бендеры, где все они покорно пребывали, — перейдя Днестр, сворачивает на запад. В Венгрию... А там, между прочим, кипит восстание мадьяр под руководством князя Ракоци...

— И австрийский император Леопольд безуспешно пытается подавить его... — догадливо подметил Гилленкрок.

— Вот именно! — агент торжествуя умолк.

В зале воцарилась тишина. Пугающая. Зловещая. Неожиданный демарш, который пытался осуществить престарелый французский монарх, потряс Карла и его свиту. Еще не продумав до логического конца все последствия этого головокружительного шага, они поразились изощренному коварству «короля-солнца».

— Значит, — медленно произнес Карл, — на турок им наплевать?..

Гилленкрок укоризненно покачал головой:

— Что делать, ваше величество! Это же политика...

Король медленно ушел от стола и молча опустился на продавленный диван. Хитросплетения западной и восточной дипломатии донельзя утомили его. Будучи прирожденным солдатом, он предпочитал решать судьбу государства на поле брани и тем заслужил славу блистательного полководца. Даже теперь, потерпев

сокрушительное поражение от Петра, его гордое имя не утратило былого величия, а лишь слегка поблекло. Европейские владыки до сих пор считали Полтавскую баталию случайной удачей русского царя.

— А где сейчас царь московитов? — глухо спросил Карл.

Понятовский оживился:

— Он отправился на встречу с Августом, ваше величество...

— А его армия?

— Она, не переставая, движется к Днестру... — поляк вздохнул.

Гилленкрот перевел взгляд с короля на польского агента:

— Скажите, пан воевода, каково общее число турецких войск?.. Ну, хотя бы приблизительно?

Понятовский, недолго думая, ответил:

— Мне думается, генерал, не меньше ста тысяч.

— И где они сейчас? — полюбопытствовал Шпарре.

— Большая часть турецкой армии находится в городе Адрианополе, — агент слегка улыбнулся, — османы называют его Эдирне...

Карл хмуро спросил:

— Сколько миль от этого Эдирне... — он сделал паузу и добавил: — До Бендер?..

Гилленкрот посмотрел на карту, прикинул что-то в уме и сообщил:

— Здесь, ваше величество, около ста пятидесяти немецких миль...

Шпарре стал размышлять вслух:

— Если в армии московитов около пятидесяти тысяч, то силы османов превосходят их вдвое. Для начала это неплохо.

— Вы не учитываете, генерал, — услужливо подсказал Понятовский, — что из Крыма движется татарская конница. Это еще пятьдесят тысяч клинков. А с ними гетман Орлик и запорожцы.

Король сосредоточенно переводил взгляд на каждого из собеседников и упорно молчал. Гилленкрот прервал диалог вопросом:

— А скажите, господа, зачем Петр встречается с Августом?

Поляк не ответил, а Шпарре смело предположил:

— Ему нужна дополнительная военная сила! А что еще?

— И я тоже так думаю, — поддержал его Карл.

И вновь в зале повисла тишина. О непростых отношениях русского царя и саксонского курфюрста, вновь вернувшегося на польский трон, любой из присутствующих, в той или иной степени, был осведомлен. Двуручническая, предательская политика Августа не вызывала явного одобрения, но иногда случалось, что она, волей-неволей, помогала выкарабкаться из беды.

В конце лета 1706 года Карл решительно занял Саксонию, сместил Августа с польского престола и посадил на него Станислава Лещинского. Курфюрст не возражал. Он, как всегда, вел двойную игру. Пока часть шведской армии во главе с королем отдыхала на зимних квартирах в Саксонии, Август тишком перебрался в Польшу, где располагались русские войска под началом генерал-поручика Меншикова.

Там же находились шведские и польские полки под командой генерала Мардефельда. Август вначале проник к нему, сообщил о своем сговоре с Карлом и просил генерала не вступать в бой с русскими. Но Мардефельд ему не поверил. Тогда коварный саксонец пробрался к Меншикову и занял место на левом крыле русских войск...

Произошла знаменитая битва под Калишем, в которой шведы были наголову разбиты. Генерал Мардефельд вместе со своим штабом попал в плен. Август

перетрусил. Он одинаково боялся и Петра, и Карла. Пользуясь тем, что Меншиков ничего не знал о его двойной игре, лицемерный саксонец уговорил Данилыча совершить скорый обмен пленными. Тот, недолго думая, согласился.

Обмен тут же взялся осуществить, конечно, сам Август. Взяв с собой пленного генерала Мардефельда и его офицеров, он отбыл с ними к Карлу. Униженно покаявшись перед надменным шведским владыкой и всецело отдавшись на его монаршую волю, Август подписал все бумаги и даже «удостоился чести» обедать вместе с ним и Лещинским, сменившим его на польском престоле...

Невольно вспомнив все это, Карл и его свита тем не менее испытывали двойственное чувство. Что нынче предпримет Август — можно было только гадать. Ничего ясного и определенного ждать в этом случае не приходилось.

— В Померании Лещинский и Крассау кое-какие силы все-таки собрали, — осторожно произнес Понятовский, с трудом нарушив общее молчание.

Гилленкрок поляка поддержал:

— Ну, что же... Может так случиться, что они хотя бы отвлекут на себя армию Августа.

Карл недовольно произнес:

— Исход всей военной кампании, как всегда и везде, решает стремительный, наступательный маневр, — он сердито посмотрел на Понятовского, — а турки еще не выступили в поход!

Агент виновато вздохнул. Король язвительно усмехнулся:

— Они собираются посадить стотысячную армию на корабли?

— Нет, ваше величество, — поляк развел руками, — Мехмед-паша намерен вести своих солдат в пешем строю...

Шведы сокрушенно покачали головами. Понятовский набрался смелости и присовокупил:

— А в придунайских степях уже всюю свирепствует саранча.

— Саранча? — удивился Карл и перевел взгляд на своих адъютантов. — Это что за зверь?! Как он свирепствует?

Шведский монарх — житель северной страны — никогда не видел и не слышал о подобных жутких паразитах. Польский агент пояснил с траурными нотками в голосе:

— Это, ваше величество, огромные кузнечики... — он развел большой и указательный пальцы на правой руке, словно охватывая ими рукоять шпаги, — вот такой, заметьте, величины...

Король и адъютанты недоуменно переглянулись.

— И что? — в глазах Гилленкрока заиграли иронические огоньки. — Каким образом они, как вы говорите, свирепствуют? Поедают людей, что ли?

Шведы откровенно улыбались. Понятовский, чувствуя себя круглым дураком, тем не менее упрямо продолжил:

— Эти твари летят целыми тучами, в невероятном количестве... — он шумно выдохнул, — так летят, поверьте мне, что белого света не видно!

— И что? — упорствовал Гилленкрок. — Как они истребляют людей?! Прямо на легу?!

— Саранча сжирает под корень всю растительность... Каждую травинку! После ее налета остается голая пустыня... — в лице поляка воскрес накануне пережитый им страх и отвращение.

Карл и адъютанты помрачнели. Не верить рассказу своего агента они не могли. А затянувшееся пребывание в малознакомых местах, на экзотической, причудливой земле, заставляло их со многим соглашаться.

— Да, — мрачно заключил Шпарре, — османам придется несладко...

— Великий визирь, — вдруг вспомнил Понятовский, — изъявил желание видеть у себя господ генералов.

Адъютанты встревоженно переглянулись.

— А я? — Карл привстал. — Меня он видеть не желает?!

Вместо ответа поляк сокрушенно вздохнул и развел руками. Король грязно выругался. Совсем как простой рубака-солдат...

13

Город Адрианополь (по-турецки Эдирне) расположился в трех днях пути от Константинополя. Со времени захвата Византии турками он стал важным опорным пунктом, почти второй столицей Османской империи. Когда-то в нем размещался посольский двор, и бедный Петр Андреевич Толстой, прибыв в Турцию, прожил здесь больше года, затем весь султанский двор и чужие посольства переселились в Стамбул. Но главным сборным местом для турецких войск остался Эдирне.

Великий визирь Балтаджи Мехмед-паша, решивший возглавить армию в будущей войне с русскими, тоже прибыл сюда вместе с сераскиром, нурадином и муфтием. Визирь был довольно пожилым человеком, не слишком опытным в военном деле, но стремившимся к головокружительным вершинам власти. А предстоящая война с «неверными» и безусловная победа в ней сулили ему громкую славу и немалые блага...

Выверенных и даже приблизительных планов будущих военных действий у всей османской верхушки не было. Впрочем, как и у Петра. Русский государь делал ставку на быстрый и сокрушительный маневр, совсем как шведский король при походе на Нарву. А великий визирь и его помощники рассчитывали только лишь на численное превосходство своей армии. Она, действительно, оказалась немалой...

В самом Адрианополе и вокруг него стояли тысячи белых шатров, в которых разместились тесные отряды конников и пехотинцев. Называть их солдатами, даже в тогдашнем, приблизительном значении, было трудно. Вооруженные саблями, кривыми кинжалами-ятаганами, кремневыми ружьями и пистолетами, часто луками и стрелами — это пестрое, шумное, разноязыкое, не знающее дисциплины и правильного строя сборище именовать регулярной армией не поворачивался язык.

Только корпус янычар — безжалостных, неумолимых головорезов, связанных суровым обетом беззаветной службы до смертного конца — внушал хоть какую-то надежду. Однако, несмотря на привычку и умение воевать, эти лихие удалцы отличались заносчивым, переменчивым нравом. Если их что-то не устраивало — вплоть до фигуры самого султана — янычары затевали бунт...

Исход его, как правило, решался не в пользу властьпредержащих. Бывший султан Мустафа — старший брат Ахмеда — наглядный тому пример. А вместе с султаном сметалась подчистую и вся высшая верхушка. Великий визирь прекрасно помнил это. Важный совет в «диване» с повелителем, на котором присутствовал французский посол маркиз Дезальбер, Мехмед-паша тем более не мог забыть.

Хитрый француз всячески подбадривал султана, говоря о том, что армия московитов малочисленна, измотана долгой войной со шведами, не обеспечена провиантом и фуражом. Поляки, крымские татары и казаки нападают на нее со всех сторон, солдаты изнурены голодом и жаждой...

Поляк Понятовский, тоже допущенный на совет, клялся, что воевода Потоцкий собрал солидное ополчение, и оно движется наперерез русским.

— Франция обещала помочь нам вооружением и воинской силой... — напомнил Ахмед.

Дезальер вздохнул и слегка помрачнел:

— Великому султану известно, что Франция вступила в войну с Австро-Венгрией, — маркиз сделал паузу и прозрачно намекнул: — Австрийский император Леопольд, между прочим, давний недруг Оттоманской Порты...

Это было правдой. Австро-Венгрия (называвшаяся Священной Римской империей германской нации) полтора десятка лет назад, наголову разбив турецкие войска, оставалась скрытым врагом Оттоманской Порты. Теперь она вела войну с Францией за «испанское наследство», точнее за богатые заморские колонии, которые одряхлевшая морская держава уже была не в состоянии удержать...

Но ловкий маркиз старался убедить османов, будто его страна изо всех сил пытается отвлечь австрийцев от неизбежного столкновения с турками. Ахмед и его окружение, разумеется, не слишком этому верили, однако считали, что вражда и свара среди «неверных» только на руку правоверным...

— Мой король поклялся, — продолжил Дезальер, — что с окончанием военных действий мы безотлагательно поможем своим друзьям! Всем, чем только можем! — и гладко выбритое лицо француза осветилось широкой лучезарной улыбкой.

Понятовский, успев пообщаться с австрийским послом Тальманом и зная, что престарелый «король-солнце» недавно отправлял в Москву своего человека, подивился хитрой игре маркиза. Однако османы упорно молчали. Поляк не выдержал.

— Армия московитов успешно движется к Днестру! — с трагическими нотками произнес он.

— Хвала Аллаху, мы знаем об этом! — негромко ответил визирь.

Сераскир поддержал его:

— Славная армия нашего могущественного повелителя готова выступить в поход навстречу гяурам! С нами Всевышний!

Дезальер тут же подхватил:

— И шведский король со своими генералами с радостью вам поможет...

Султан хмуро возразил:

— Мы не нуждаемся в помощи короля! Наша армия отправится в поход по воле Аллаха. А что постигнет ее в день встречи двух войск, свершится по Его милости.

Верховный муфтий, дотоле стойко молчавший и внимательно слушавший всех, не преминул заключить:

— Тех, которые будут убиты на пути Божьем, — так гласит Коран, — не считайте мертвыми! Нет, они живы, они пред Господом своим получают удел свой! Да будет так!

И все османы подняли глаза к небу и старательно огладили ладонями щеки и бороды.

Потом заседание в диване закончилось, а на следующее утро великий визирь вместе с помощниками отбыл в Адрианополь, к армии. Настало время двигаться навстречу русским. Соблюдая привычный ритуал, после утреннего намаза, в начале мая, огромная турецкая армия выступила в поход.

Сам визирь ехал в дорогой карете, окруженной конными янычарами, а сераскир, нурадин и муфтий сидели в одном экипаже и тоже под сильной охраной. Настроение у османской верхушки было далеко не воинственным. Дело в том, что во время всеобщей молитвы неожиданно налетел резкий порыв ветра. Он взметнул облака пыли и сорвал с древка зеленое шелковое знамя.

Для суеверных мусульман это было недобрый знаком. Зеленое знамя Пророка не должно подвергаться такому очевидному поруганию! Муфтий, сидевший подле сераскира, негромко читал молитвы, словно стараясь изгнать из воспоминаний досадное происшествие и заодно склонить Аллаха к милости и поддержке в предстоящих битвах:

— О, Всевышний! Даруй нам, воюющим за веру, силу и могущество в схватке с неверными! Ободри и укрепи нас! Да снизойдет на каждого правоверного благодеяние и крепость Аллаха!

А сераскир и нурадин, не сговариваясь, размышляли о том, что грозней и неодолимей в предстоящей битве: стадо баранов, ведомое львом, или стадо львов во главе с бараном? Слава Всевышнему, что их тайные помыслы не коснулись слуха великого визиря — иначе бы не поздоровилось ни тому, ни другому...

14

Тридцатого мая 1711 года Петр покинул крохотный польский городишко Ярослав и возвратился в Яворово. Катерина, измученная неотступными просьбами и мольбами генеральских жен, упросила государя взять их с собой. Царь вновь поддался на уговоры.

Своей встречей с Августом он остался весьма разочарован. Увертливый саксонец скрепя сердце обещал помочь военной силой. Тридцать тысяч солдат якобы должны вот-вот присоединиться к русской армии. Еще Август клятвенно заверял царя: наконец-таки он намерен разгромить в Померании шведские войска под началом генерала Крассау, дабы они не ударили в тыл русским.

Петр не очень этому верил. А вскоре польская сторона представила ему перечень жестких, невыполнимых требований. Поляки, во главе со своим королем, жаждали заполучить в управление всю Правобережную Украину, а также город Ригу и освобожденную от шведов Лифляндию. Далее они категорически настаивали, чтобы их навсегда избавили от контрибуций и поставок провианта. И это еще не все...

Когда царь прочел своим помощникам все пункты польского документа, изумлению свиты не было границ.

— Отдать им Украину?! — поразился Долгоруков. — Да они в своем уме?!

— Еще Ригу и Лифляндию?! — вторил ему Головкин. — Сполна заплатить жалование польским и литовским войскам?!

— Наградить тех, кто похвально избегал любого сражения! — ехидно осклабился Шафиров.

Государь кашлянул:

— Слушайте дальше... — он возвысил голос: — Паны-сенаторы пишут о раздаче будущих завоеваний в Турции. Они зело жаждут кое-что себе урвать, желательно побольше! Ну, что вы на это скажете?!

Свиту разом проняла оторопь. Посол, канцлер, вице-канцлер, секретарь недолго переглянулись. Шафиров, как самый бойкий и едкий на язык, не выдержал:

— Петр Алексеич, они что — со своим Августом ума лишились?! Делить шкуру медведя неубитого спешат! Обнаглели вконец!

Картина и вправду казалась невероятной, почти комичной. Спокойный и рассудительный Долгоруков заметил:

— Кто сию бумагу сочинил? Уж не сам ли Август, будучи в крепком подпитии? С него станется...

Петр повертел в руках документ:

— Нет, судари мои, составили его в ихнем сейме... — царь вздохнул, — и хочешь не хочешь, а придется на него ответ держать...

Он внимательно окинул своих помощников:

— От контрибуций мы чертовых ляхов, так и быть, избавим... — государь озорно подмигнул, — и шкуру медведя турецкого, коль надо, посулим... — по-

том заключил вполне серьезно: — Токмо провиант непременно возьмем. Кормить солдат нечем!

После этих слов царь велел Макарову наложить на вызывающий документ соответствующую резолюцию и передать его польским депутатам. А из всего происходящего, к сожалению, следовало лишь одно: искренних и преданных союзников в грядущих сражениях с османами у России, увы, не оказалось. Составилась только лишь слабая надежда на двух господарей — Кантемира и Бранкована.

Петр все еще надеялся их примирить, тогда бы его положение заметно упростилось. Однако вражда властителей Бессарабии и Валахии не думала затихать, а все более и более разрасталась...

Приехав в Яворово, государь получил известие, что по распоряжению Кантемира навстречу армии Шереметева пригнали стада овец и волов. Правда, их количество не соответствовало обещанному, но все же... Царь этому несказанно обрадовался — среди всеобщего уныния и неурядиц даже нежданная милостыня казалась подарком судьбы!

Обсуждая со своими советниками дальнейшие планы военной кампании, Петр размышлял вслух:

— Ежели нам удастся получить провиант и от Бранкована, то турки нам точно не страшны.

Осторожный и скептический Головкин не преминул напомнить:

— А татары, Петр Алексеич, с казаками? Фельдмаршал пишет, что нашим фуражирам они проходу не дают.

Государь согласился:

— Татары — это наша вечная беда! — царь вздохнул. — Пока с бою крымское ханство не возьмем — покоя от них не будет...

— Хан Девлет-Гирей нас люто ненавидит, — заметил Долгоруков.

Шафиров усмехнулся:

— Ну, еще бы! Который уж год он от нас дани воровской не имеет?! — вице-канцлер хитровато сощурился. — А ненасытному мздоимцу ведь не грех чужим златом поживиться! Грех, когда его нет!

Все невольно засмеялись. Крымские ханы — послушные ставленники турецкого султана — держали в непрерывном страхе все южные рубежи российского государства. И ежегодно получали дань от русских царей. Дань за то, чтобы не грабить наши города и села и не уводить в плен, на продажу, бедных людей. Но в последние годы эта лафа отошла. Петр дани не платил...

При разговоре присутствовал еще один свидетель — бывший сербский посол Савва Рагузинский. Государь обратился к нему:

— А скажи-ка, Савва, что твои сербы подельывают? Намерены они супротив османов идти?

Рагузинский спокойно ответил, что полковник Милорадович тайно отбыл к будущим повстанцам. Он соберет их в небольшие летучие отряды и постарается хорошо вооружить.

— Шереметев, как мне доложили, — удовлетворенно продолжил государь, — уже благополучно перешел Днестр и движется в направлении Прута. Нам тоже надобно туда поспешать...

Сановники тишком переглянулись. Неустанно напоминая своим присным, что медлить нельзя никак, сам царь, похоже, не очень-то торопился. И опять же этот женский обоз! Шафиров, набравшись смелости, полюбопытствовал:

— А что, Петр Алексеич, выходит так, что от дамских юбок отделаться воистину невозможно? Медом, что ли, они обмазаны?

Помощники затаили дыхание. Царь смешался. Ему самому донельзя досаждало зримое и незримое присутствие целого эскадрона генеральских и полковничьих жен, вкупе с бойкими служанками. Возглавляла его, в силу обстоятельств, конечно же, Екатерина. Но ее персона менее всего беспокоила Петра. Бывшая служанка старца умела, если того требовал случай, быть незаметной и необременительной. Даже несуществующей...

Но как только возникла нужда — царская невеста выростала буквально из-под земли и брала все кругом в свои умелые, не знающие усталости и отдыха руки.

— Я полагаю так... — государь прервал затянувшееся молчание, — не след оставлять их в этом дрянном городишке, — он взглянул в лица помощников, — когда двинем далее, на пути будет Львов... — Петр чуть заметно улыбнулся, — там с ними и простимся...

Сановники облегченно вздохнули. Все они, к счастью, оставили своих супружниц дома. А в тесном армейском обозе находились жены наемных, в основном немецких, генералов и полковников. К ним незаметно пристала и сомнительная разночинная публика, разного рода искатели приключений и попросту авантюристы. Толку от них, естественно, не было никакого, но кормить и поить приходилось исправно...

Петр, при всей своей решительности и категоричности, избавиться от этой шушеры не мог. Нежданно ворвавшись на сцену европейской политики, он постепенно свыкся с тем, что эти вздорные, беспомощные, алчные болтуны и прихлебатели умело создавали вокруг любого правителя или ореол титана и громовержца, или смешивали его с грязью и заживо хоронили...

Главный недруг Петра — шведский король, несмотря на свое бесславное поражение, все еще не утратил былого блеска и величия. А он — владыка «дикой» Московии — до сих пор внушает просвещенной Европе сомнение и скрытую неприязнь. (Даже его посмертная слава на протяжении столетий будет подвергаться поношению и суду.)

Поздним вечером, закончив все важные дела, царь укладывался в постель, заботливо приготовленную Екатериной, и с лица его исчезало выражение озабоченности и беспокойства. Большие карие глаза смотрели ласково и мягко, губы под стрелками жестких усов едва заметно улыбались.

— Как там наши девки, Катеринушка? Все ли у них ладно? — положив тяжелую, мозолистую ладонь на теплое колено невесты, тревожился он.

Невеста сидела на табурете возле его постели. Двух дочерей — Анну и Елизавету — они оставили на попечение свояченицы Прасковьи, кормилиц и нянек.

— Я думаю, батюшка, с ними все ладно, — мирно заверила подруга.

Она не слыла чересчур пылкой и чадолюбивой матерью. В отношении потомства свою роль Екатерина определила давно и верно: ей надлежало родить здорового наследника, а дальше с ним займутся те, кому это по штату положено. Но ей катастрофически не везло с мальчиками — уже двое умерли вскоре после родов. В живых остались две девчонки. Зато Петр, похоже, успел их крепко полюбить.

— Ничего, голубушка, вот с Божьей помощью разобьем турок, — глаза царя загорелись веселыми, мечтательными огоньками, — и заживем тогда в раю в свое удовольствие! Будем пряники медовые есть да фейерверки пускать!

Невеста согласно кивала головой. Ей не очень нравился пресловутый «рай», однако она это тщательно скрывала. Гибкая, податливая натура бывшей служанки так чутко, умело подстраивалась под любое желание государя, что оставалось лишь восторгаться ею и благодарно любить...

— Ну-ка, душа моя, полезай сюда живее! — нежно пробасил он.

Невеста не стала манерничать и сноровисто нырнула под простыню. По жаре и позднему времени она была в одной сорочке...

В гости к господарю Валахии Бранковану приехал двоюродный брат Фома Кантакузин. После обычных приветствий Фома, не обинуясь, сообщил:

— Армия московитов, дорогой брат, благополучно перешла Днестр...

Господарь молча кивнул в ответ. Гость внимательно посмотрел на него, подумал и прибавил:

— Говорят, что Кантемир отправил русским тысячи голов овец и волов.

Хозяин, услышав это, чудом удержался от праведного негодования. Властитель Бессарабии, ставленник османов, который грозился изловить его — Бранкована — подло предался на сторону русского царя! Ему было вдвойне обидно, что Кантемир сумел его опередить.

— Ты ведь тоже когда-то обещал помочь Петру? — с некоторым сомнением осведомился Кантакузин.

Господарь уже успел справиться с собой:

— Я от своих слов не отказываюсь, — Бранкован скупно улыбнулся, — мои пастухи уже погнали стада в Брэилу. Тысячи овец и волов.

— На левый берег Дуная? — Фома встретился взглядом с хозяином. — А турки уже выступили в поход...

Господарь выдержал его взгляд и спокойно заметил:

— Армия османов движется из Эдирне и, по слухам, она перейдет Дунай не раньше, чем через тридцать-сорок дней.

— А твои пастухи? — перебил гость. — Турки их не перехватят?

Хозяин усмехнулся:

— Расстояние даже от Бухареста до Брэилы в три раза меньше, чем от Эдирне до Измаила.

— Разве турки будут переправляться через Дунай напротив Измаила? — переспросил Фома.

Господарь, дабы не выказывать свою подозрительную осведомленность, пожал плечами:

— Чего не знаю, того не знаю... — и подвигал густыми бровями, — только в измаильской крепости, как известно, стоит сильный турецкий гарнизон и налажена прочная переправа, — Бранкован вздохнул, — и я подумал, что османы вполне могут этим воспользоваться...

Кантакузин помолчал. Он подсознательно чувствовал, что двоюродный брат чего-то недоговаривает. Хотя его замечание о турецкой крепости вполне справедливо — армии, прошедшей без отдыха тысячу верст, лучше всего преодолевать водную преграду под защитой своих же орудий. Гость произнес задумчиво:

— А русским от Днестра до Дуная нужно прошагать верст пятьсот...

Бранкован ответил ему в том же тоне:

— Выходит, что они должны опередить османов... Так ведь?

Фома вновь пристально взглянул ему в глаза. Двойственная интонация в голосе господаря его настораживала:

— Значит, ты считаешь, что русские опередят турок и встретят их по правую сторону Дуная?

Бранкован снисходительно улыбнулся:

— Дорогой Фома, царь Петр со мной своими планами не делится... — здесь он позволил себе укоризненный тон, — я, между прочим, предлагал ему свою дружбу вперед Кантемира, однако... — и господарь обидчиво умолк.

Гость тоже безмолвствовал. Он помнил неудачную попытку двоюродного брата завязать с русскими прочный союз. Непонятно почему, но Петр эту попытку не

одобрил. Возможно, она показалась царю преждевременной. Зато теперь он охотно принимал услуги обоих господарей.

— Ты полагаешь, что османы будут вблизи Измаила через сорок дней? — после недолгой паузы повторил Кантакузин.

Хозяин пожал плечами:

— Утверждать этого я не могу, — он искоса взглянул на двоюродного брата, — если вдруг не зарядят проливные дожди или, наоборот, не навалится дикая жара. Но двадцать — двадцать пять верст в день по хорошей погоде солдаты пройти обязаны.

— А твои пастухи? — не отступал Фома. — Сколько верст они пройдут?

Господарь снисходительно усмехнулся:

— Дело не в пастухах, дорогой брат, а в баранах. Им хватит и пятнадцати верст — иначе скотина сдохнет по дороге!

Хозяин и гость умолкли. Бранкован был уверен, что Фома явился только затем, чтобы хорошенько его прощупать. У него не раз мелькала крамольная мысль связать незваного гостя по рукам и ногам и выдать его туркам, однако пришлось ее отогнать. Кто знает, а вдруг русские разобьют османов и тогда ему точно не поздоровится!

И валашский господарь, подобно саксонскому курфюрсту Августу, решил действовать на два фронта. В этом не было ничего предосудительного, так поступали многие властители крохотных, слабых государств. Впрочем, больших и сильных тоже. Только ставки там были другие.

— В Венгрии бушует восстание под руководством Ракоци... — неожиданно сообщил Кантакузин. Хозяин внутренне вздрогнул, но постарался не выдать себя.

— Французский король, конечно, этому безмерно рад, но все сражения австрийцам его армия бездарно проигрывает.

Бранкован наконец собрался с духом:

— Я думаю, что венгерское восстание скоро захлебнется. У Габсбургов сильная армия и блистательные полководцы.

Фома улыбнулся:

— Еще бы! Я отлично помню, как Евгений Савойский безжалостно громил турок! Он гонял их, как стадо гусей!

Господарь согласно кивнул головой, хотя воспоминания о турецких поражениях покоробили его.

— А царь Петр сам ведет свою армию? — спросил он только потому, чтобы перевести разговор в другое русло.

Гость погасил улыбку:

— Петр все еще находится в Польше. Армию ведет его фельдмаршал Шереметев.

— А велика ли она? Сколько в ней солдат? — вопрос прозвучал вполне нейтрально, как бы из простого любопытства. Однако гость ощутил в нем какой-то подвох.

— По слухам — пятьдесят тысяч...

Хозяин глубоко вздохнул:

— У османов стотысячная армия... — он сказал это с видимым сожалением, словно искренне сочувствуя противной стороне, — кстати, и в Бендерах стоит сильный гарнизон. А там еще подтянутся крымские татары и казаки.

У Фомы засверкали глаза:

— А ты не забыл, дорогой брат, что Петр разбил шведскую армию — самую сильную в мире?! Это тебе ни о чем не говорит?

Господарь понял, что при всей своей осторожности, он круто перегнул палку:

— Нет-нет, Фома! Я не это имел в виду... — он перевел дух, — Петр, конечно, разобьет османов, только это будет непросто, очень непросто... — Бранкован покачал головой, — и крови прольется немало! С той и другой стороны...

Гость не стал спорить. Весь разговор с господарем его явно угнетал. Ведь он приехал сюда только затем, чтобы уговорить хозяина помочь русским провиантом. Об этом его попросил Кантемир. А все разговоры о том, чья армия сильнее, не слишком его волновали. Сам Фома свой выбор сделал.

Господарь исподтишка оглядел гостя и благодушно улыбнулся. Ему показалось очевидным, что двоюродный брат кое-что заподозрил:

— Ты не думай, будто я чего-то недоговариваю... — голос его обрел твердость и силу, — мое слово крепкое — мои пастухи погнали скот в Брэилу! Через двадцать дней там будут бараны и волы.

— Сколько их? — уточнил Кантакузин.

— Овец двадцать тысяч, — четко ответил Бранкован, — десять тысяч волов... Этим можно кормить армию целый месяц! — и господарь благожелательно улыбнулся в густые усы.

Фома удовлетворенно вздохнул и перекрестился. Хозяин заметил его жест и спокойно спросил:

— Ты остаешься у меня ночевать?

А спросил он лишь потому, что хотел поскорее избавиться от докучливого гостя и заранее знал ответ.

— Нет, благодарю тебя. Я поеду домой.

— Ты даже не пообедаешь?

— Нет, спасибо. Я был рад тебя видеть.

Тут двоюродные братья по-родственному обнялись, не предполагая, что это их последнее в жизни свидание...

После отъезда Фомы, господарь сразу позвал к себе грека Кастриота. Хитрый византиец моментально явился в хозяйские покои.

— Поезжай немедля в Бессарабию и найди там русского генерала Шереметева, — властно распорядился Бранкован.

— Сегодня? Сейчас? — обеспокоился грек.

Господарь думал ровно минуту:

— Нет. Завтра утром... — он перевел дыхание, — найдешь там генерала Шереметева, передай ему... — Бранкован, на всякий случай, понизил голос, — двадцать тысяч овец и десять тысяч волов господарь отправил в Брэилу. Ты все понял?

Кастриот молча качнул головой.

— Ну, все. Иди... — Бранкован облегченно вздохнул.

Он был встревожен и обескуражен. Приезд Фомы выбил его из колеи. Баранов и волов, но по договоренности с великим визирем, он и вправду погнал в Брэилу. И если турки узнают, что он ведет двойную игру, то головы ему точно не сносить! Но коли русские придут к берегам Дуная вперед османов, то весь скот достанется им. А вдруг так случится, что они одержат верх?! Тогда Бранкован не останется в проигрыше! И еще неизвестно, чей вклад в победу будет весомей — его или Кантемира?!

Когда прошла первая волна радости по поводу того, что оголодавшая и обесиленная армия наконец-таки получила подкрепление и досыта набила пустые животы, Шереметев и его помощники вновь забеспокоились. Войска уже который день передвигались по землям негостеприимной Бессарабии.

Единожды установленных, навсегда закрепленных границ в те годы не существовало. Ни пограничных столбов, ни дозорных вышек, ни рядов колючей проволоки, ни строгих часовых не было и в помине. Если человек, либо группа людей попадала на территорию другого государства, то до поры, до времени это происходило почти незаметно.

Однако через день-другой неуволимо менялся пейзаж, заметно жарче или, наоборот, слабее грело солнце, появлялись непривычные глазу строения. Но самое главное — тут и там встречались люди, по-иному одетые и говорящие на незнакомом языке.

А иноземное войско, войдя в чужие пределы, должно непременно стать более собранным и осторожным: ведь опасность подстерегает на каждом шагу — за любым пригорком и оврагом. Царь наказывал фельдмаршалу «поспешать», однако Борис Петрович, при самом горячем желании, не мог себе этого позволить.

Петр настаивал, чтобы армия преодолела путь от Днестра до Дуная за две недели, совершая почти тридцать верст в сутки, и к двадцатому мая оказалась бы в нужном месте. Только май уже близился к своему концу, а русское войско все еще тянулось по знойным степям Бессарабии к берегам Прута, делая всего десять-пятнадцать верст в день.

Передвижение затрудняли не только дерзкие набеги татар и казаков, но и живой провиант — овцы и волы, идущие вслед за пехотой. Вот тут, хочешь не хочешь, а приходилось сдерживать шаг, ибо бедная скотина не могла бежать взапуски. Оставлять же ее на попечение пастухов и небольшого охранения — грозило полной катастрофой...

Это понимали и военачальники, и солдаты. А больше всех не забывали об этом крымские удалцы. Степные травы давно пожелтели и пожухли, ручьи высохли до дна. Бедная скотина, гонимая без устали за солдатами, на ходу обрывала жалкие остатки некогда обильной растительности.

Особую тревогу вызывали волы. Эти крупные, сильные, медлительные животные с рогами, похожими на лиру с оборванными струнами, худели прямо на глазах. Когда усталое войско останавливалось на короткие ночевки, то утром, с восходом солнца, лежа на иссохшей, потрескавшейся земле, они напоминали огромные желто-белые валуны. И поднять их на ноги не было никакой возможности.

Поэтому фельдмаршал решил их первыми пустить под нож. А вскоре пришла очередь, нет, не овец, а лошадей. Как ни жаль было верных, крайне необходимых животных, а кормить их стало нечем. Утешало одно — и татарам тоже пришлось умерить прыть, их резвые, выносливые скакуны с трудом таскали ноги.

На кратком совещании со своими генералами Шереметев решил впрямую нарушить приказ царя. Вместо неуклонного марша к Дунаю, он повернул направо. И тридцатого мая русская армия перешла реку Прут.

На правом берегу ее встречал сам господарь со своими приближенными. До самого последнего момента Дмитрий Кантемир не открывался боярам в своем тайном намерении, однако те все давным-давно уразумели. Когда тесный возок русского фельдмаршала скатился на твердую землю, господарь торжественно спустился с лошади и пошел ему навстречу.

Борис Петрович приказал кучеру остановиться, кряхтя, вылез из экипажа, кое-как привел себя в порядок, даже пристегнул шпагу. Кантемир, впервые увидев прославленного военачальника, был заметно разочарован, однако не подал виду. Полководец выглядел очень старым, отягощенным нелегкими заботами, изнуряющей жарой и кошмарной дорогой.

Высокие вельможи сблизилась, чуть поколебавшись, радушно обнялись и троекратно, по-христиански, расцеловались. Свита господаря одобрительно

переглянулась. Знатные бояре, конечно же, не возражали против союза с царем московитов, в надежде, что его армия защитит их от немилосердных поборов и утеснений со стороны безжалостных османов.

Кантемир произнес короткую речь, еврей-толмач перевел ее. Весь смысл сказанного сводился к тому, что бедные валахи страстно, мучительно ждали спасительного прихода своих единоверцев и наконец-таки дождались. Шереметев и его генералы одобрительно внимали всему, а солдаты, глядя на разряженных бояр, их дородных жен и многочисленных слуг, невольно думали, что этим людям не так уж плохо живется...

Армия, между тем, продолжала занимать правый берег реки. Следом за кавалерией, грохоча и скрежеща колесами, двигались пушки. Они особенно впечатляли праздную толпу зевак. Трехфунтовых полевых орудий на длинных лафетах было больше пятидесяти. Восьми и шестифунтовых пушек до тридцати, более двадцати мортир и две крупнокалиберные гаубицы. Простые валахи в лохматых бараньих шапках толкали локтями друг друга и озадаченно качали головами. Шумное, суетливое, многоголосое зрелище донельзя занимало каждого.

Людам, издавна привыкшим к размеренной, однообразной жизни, всегда чрезвычайно любопытно наблюдать, как в их сонное, тягучее бытие разом вторгается сплоченная единым приказом стройная ватага и начинает толково, ловко и слаженно делать нечто, ранее никому неведомое.

А владыка Бессарабии, пользуясь случаем, привел к присяге своих бояр. Все они, во главе со своим господарем, поклялись, не щадя живота, честно служить России. Фельдмаршал Шереметев, призывая Господа в свидетели, благосклонно принял их обещания. И, в свой черед, уверил всех в намерении защитить православных людей от яростных нападков врагов христианства.

Затем все торжественно целовали крест...

